

18+

Александр Сиваков

Криминальные каникулы — 1

Том первый. Под знаком орла

Александр Сиваков

**Криминальные каникулы – 1.
Том первый. Под знаком орла**

«Издательские решения»

Сиваков А.

Криминальные каникулы – 1. Том первый. Под знаком орла /
А. Сиваков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964399-5

1995 год. Двое англичан — профессор археологии и антиквар — приезжают в Россию, чтобы отыскать сокровища, оставленные немцами во время войны. Им помогают трое подростков. Первый том романа.

ISBN 978-5-44-964399-5

© Сиваков А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог (Брянщина, декабрь 1942 года)	6
Глава 1 (Лондон, апрель 1995 года)	10
Глава 2 (Питер, май 1995 года)	17
Глава 3 (окрестности Питера)	19
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8 (Питер-Москва)	35
Глава 9 (Брянск)	37
Глава 10 (Брянщина)	41
Глава 11	48
Глава 12	52
Глава 13	56
Глава 14	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Криминальные каникулы – 1 Том первый. Под знаком орла Александр Сиваков

© Александр Сиваков, 2019

ISBN 978-5-4496-4399-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-4400-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог (Брянщина, декабрь 1942 года)

Зима в этом году выдалась холодная и снежная. С белого, словно вымороженного неба, падал редкий снег. Ветер подхватывал его и острыми колючими иглами бросал в лицо. Не защищали даже деревья.

Соломон Файшер брёл по лесу уже второй день. Он замёрз так сильно, что ног уже давно не чувствовал, пальцы на руках невыносимо колело, а тело била бесконечная мелкая дрожь.

Не раз появлялась предательская мысль улечься в снег – и будь что будет. Но поступить так было не просто. Соломон ясно осознавал, что он трус. Для совершения самоубийства нужна была решительность и смелость – а именно их как не доставало.

Это и вынуждало его брести вперёд.

Последние четыре года Файшер только и делал, что бегал. Сначала – от европейской полиции, которой не очень нравились методы, с помощью которых зарабатывал на жизнь правверный польский еврей, потом – от немцев, которые называли его не иначе как «юде» и перед которыми, как он сразу же понял, стояла задача под корень извести весь иудейский род. Затем, проведя несколько месяцев в варшавском гетто, – вообще от всех.

В Советском Союзе война началась летом сорок первого и застигла Соломона под Киевом, где тот решил обосноваться хоть на какое-то время. Деревня Балкино, несмотря на близость к украинской столице, была тихим пасторальным местечком, и лежало, окружённое лесом и многочисленными сельскохозяйственными угодьями, в стороне от больших трасс.

Соломон решил устроиться здесь надолго. Он начал даже подумывать об открытии крохотного магазинчика, но столкнулся с серьёзными трудностями: времена НЭПа уже прошли, а советские власти противились любой частной деятельности.

В лучшие времена Файшер получил аттестат юриста и даже успел поработать несколько лет помощником нотариуса в захудалой варшавской конторе. Практика у него была не богатая, тем не менее, он успел уяснить, что любой закон можно обойти.

Пока он искал способы это сделать, наступила война – и все планы пошли псу под хвост. У избранного Иеговой народа, к которому имел несчастье принадлежать достопочтенный Соломон, наступили тяжёлые времена. Точнее, плохие времена наступили у всех, но именно на евреях это отразилось в первую очередь.

Из Балкино пришлось спешно уезжать – тамошний нарком воспылил желанием упечь товарища Файшера в армию. На уверения потенциального бойца, что возраст тому не позволит в должной степени справляться с требованиями Устава, нарком толкнул прочувственную речь о долге каждого гражданина защищать свою родину и, если потребуется, отдать за неё жизнь. На этом месте монолога Файшеру резко поплохело. Недолго думая, он собрал свой нехитрый скарб и на следующее утро, ещё не успело развиднеться, покинул негостеприимные балкинские пенаты.

Начались дни скитаний.

Летом ещё можно было как-то прокормиться, с ночёвкой тоже особых проблем не возникало. Зато осенью приходилось искать лежище на несколько месяцев вперёд.

Сорок второй год Соломон Файшер встретил под Тулой. До того места война ещё не добралась, хотя гитлеровские войска были уже на подходе, и лунными зимними вечерами, когда воздух был чистый и прозрачный, под горизонтом слышались звуки канонады и сухой треск пулемётных очередей.

Файшер кочевал по деревням и небольшим посёлкам, кое-как перебиваясь найденными крохами продуктов. Но надолго он нигде задержаться не мог: по местному радио истерили по поводу иностранных шпионов, поэтому насельники настороженно относились к каждому появлявшемуся в их населённом пункте незнакомцу, особенно нерусской внешности.

Так проходили дни за днями. Соломон вконец одичал. После того, как в одной из деревень на него спустили собак, он стал сторониться обитаемых мест и принялся промышлять по заброшенным селениям.

Начало смеркаться.

С подветренной стороны потянуло дымом, и Файшер ускорил шаги.

Запах гари с некоторых пор уже стал привычным. Узнавая о скором приходе немцев, жители сжигали свои дома и забивали скот, а кто не соглашался этого делать, тем помогали власти. Совсем недавно вышел указ Верховного главнокомандующего, в соответствии с которым нельзя было оставлять оккупантам никаких материальных ценностей.

Однако Файшер знал на собственном опыте, что даже в дотла сгоревшем доме при известной сноровке можно отыскать годные к употреблению объедки, а в любой деревне по любому осталась какая-нибудь развалюха из хозпостроек, в которой можно пересидеть день-другой.

Эта деревня была похожа на сотню таких же искалеченных войной селений: на месте дорог, тропинок и улиц – девственно белые снежные равнины; поваленные навзничь изгороди; запущенные, поросшие неопрятной высокой травой огороды; остовы сгоревших домов с обугленными квадратами печей, из них нелепо торчат покосившиеся трубы.

Дом, который он облюбовал, стоял в самом центре деревни. В лучшие времена это было красивое строение из силикатного кирпича. Похоже, здесь жил староста или председатель – простые люди жили в деревянных хибарах. Каменная часть дома выгорела полностью, но деревянная пристройка, как это ни странно, осталась практически целой, даже стёкла на единственном окне были почти целыми.

Сначала Файшер внимательно исследовал сугробы (жизнь научила его быть осторожным) – никаких следов ни человеческих, ни звериных, видно не было. Снег закончился три дня назад. Это значило, что как минимум, несколько суток к дому никто не подходил.

Соломон, спрятавшись за двумя близко растущими соснами, обозрел окрестности, чутко прислушиваясь к звукам. Он старался уловить любые, даже самые тихие.

Где-то за деревней, в лесу, каркала одинокая ворона. Она хлопала крыльями и сбрасывала снег с дерева. В полной тишине казалось, будто даже отсюда слышно, как ледяная крупа с мягким хрустальным звуком ударяется об твёрдую корку наста. Файшер даже помотал головой, отгоняя наваждение, а потом неверными шагами направился в сторону будущего пристанища.

На самом же деле, чтобы убедиться, что тут точно никого нет, нужно было пару часов подождать, издали понаблюдать за деревней, но сил на это уже не оставалось.

Оставляя за собой цепочку неопрятных глубоких следов, он добрался до крыльца, поднялся на высокое крыльцо, двумя руками схватился за вычурную медную ручку двери и с усилием потянул на её себя.

Раздавшийся скрип заставил Соломона пригнуться и испуганно замереть. Несколько минут он провёл в довольно неудобной позе, потом с облегчением разогнулся и даже нашёл в себе силы несмело хмыкнуть. Уж если после такого вселенского скрежета сюда никто не приехал, можно быть уверенным, что деревня пуста.

(Ну, если не вся деревня, то несколько ближайших домов – это уж точно)

Перед Соломоном оказалось маленькое помещение, захламлённое хозяйственными мелочами – тут были веники, тазы, черенки от лопат, старые матрасы, какие-то кастрюльки – в общем, всего понемногу, как в любом доме, где жили не первым поколением.

Вдоль одной стены стояла большая скамья, а другую закрывали самодельные полки. В полутьме таинственно поблёскивали аккуратно расставленные затейливые металлические штуковины. Наверное, это были запчасти от каких-нибудь плугов и всяких сельскохозяйственных приспособлений.

Хотя крыша пристройки наполовину сгорела, воздух здесь всё ещё был затхлым, и сильно пахло горелыми тряпками.

«У русских это вроде бы называется «сье-ни», – мелькнуло в голове.

Файшер прикрыл за собой дверь и потёр руки. Тут было не теплее, чем на улице, но хотя бы не дул пронизывающий ветер и в лицо не били иглы снега.

А главное, тут лежало тряпье, в которое можно было закутаться и хоть немного согреться.

– Будем обживать, – сказал Соломон, и от звуков своего голоса почувствовал воодушевление.

Дверь он решил не открывать, чтобы не намело позёмки, и в полутьме принялся наводить некое подобие порядка. Сначала нужно было освободить место около дальней стены, затем положить туда матрац поновее и после этого, собрав более-менее чистое тряпье, постелить его на образовавшееся ложе.

Глаза привыкли к полумраку – и работать стало повеселее. Соломон перенёс в угол один матрац, под ним обнаружился второй, ниже – ещё один.

Это был целый Клондаик – из этих матрацев можно было соорудить надёжное пристанище ни на один день и даже ни на два – как минимум, на пару недель. Ещё бы боевые действия не продвигались именно в эту сторону, было бы совсем хорошо.

Неожиданно из дальнего угла комнаты донёсся слабый звук. Соломон застыл в неудобной позе, наклонил голову, прислушиваясь.

Крысы?

Соседство крыс не предвещало ничего хорошего, тем более здесь, в заброшенной деревне. Даже при нормальной жизни эти твари не гнушались человеческим мясом, теперь же существовала реальная опасность во сне лишиться нескольких пальцев.

Но – вроде бы тихо.

Значит послышалось?

Соломон осмелился пошевелиться. Он сделал шаг в сторону – и снова всё повторилось.

Вряд ли это были крысы – слишком уж звук напоминал человеческий стон.

– Кто тут? – Хриплым шёпотом спросил Файшер.

Стон повторился.

Соломон засуетился. Он по-бабьи всплеснул руками и бросился к выходу. Добежал до двери и вдруг понял, что зачем-то тащит с собой матрац. Мысль, что он ведёт себя совсем уже неадекватно, его остановила.

Файшер вернулся, напряжённо вглядываясь в темноту.

– Кто здесь? – Повторил он.

– Trinken... (Пить... Нем.)

Файшер достаточно хорошо знал немецкий, чтобы разобрать это короткое слово.

– Я сейчас! – прошептал он. – Вы где?

Немца он отыскал через пару минут – тот лежал в самом углу, зарывшись в кучу старого тряпья.

– Trinken! – Уже более внятно попросил солдат.

То, что перед ним солдат – это Файшер понял сразу – тот был одет в камуфляжную форму, которая, впрочем, была настолько изодрана, что лишь отдалённо напоминала деталь человеческой одежды.

– Сейчас, сейчас, – забормотал Соломон, -минуточку...

В полутьме не было видно лица раненого. Отбросив в сторону тряпье, Файшер смог рассмотреть только короткий ёжик светлых волос и поблёскивающие в темноте воспалённые белки глаз.

В доме нельзя было найти какую-нибудь подходящую посуду, да и с водой была напряжёнка. Соломон набрал пригоршню снега и аккуратно принялся скармливать снег пострадавшему.

– Кушай, кушай, – заботливо приговаривал он.

Тот проглотил несколько небольших порций, потом часто и хрипло задышал.

Файшер с большим трудом вспомнил немецкую фразу, слышанную им давным-давно.

– Wie geht es Ihnen? (Как у Вас дела? нем.)

– Ich muss ein Paket an den Befehl zu senden ... (Мне нужно передать пакет командованию... нем.)

– Ich verstehe nicht. (Я не понимаю. нем.)

– Package... ich... zu durchlaufen haben... Es ist ein gro? es Geheimnis... konnte ich nicht gehen... Aber ist es notwendig, dass, egal was passieren ... (Пакет... У меня... Нужно передать... Это большая тайна... Я не смог дойти... Но это нужно передать во что бы то ни стало... нем.)

В полутьме что-то ярко блеснуло. Файшер наклонился, чтобы рассмотреть, но в ужасе отпрянул. На петличке красовалась руна «зик», стилизованная под две немецкие буквы «S». Это был знак отличия элитных немецких войск СС.

– Vielleicht mochten Sie trinken? (Ещё хотите пить?) – С ещё большей заботой спросил Файшер, наклоняясь к самому уху раненного.

Тот снова забормотал что-то о пакете, который нужно во что бы то ни стало передать командованию, потом затих.

Пакет нашёлся. Он оказался за пазухой неизвестного. Файшер покрутил его в руках, но распечатывать не стал и положил в свой дорожный мешок. Он подумал, что начала нужно выходить этого арийского урода, а затем разбираться с его имуществом.

Вся ненависть, накопленная Соломоном за время своих странствий, была готова обрушиться на голову одного-единственного человека. Если эсэсовец просто тихо отдаст душу Иегове – это будет неправильно, это будет против всех законов – и божеских, и человеческих. Те, кто всю свою жизнь посвятил тому, чтобы причинить зло как можно большему числу людей, просто не имеют права существовать

Решимость Файшера укрепилась. Нужно обязательно сделать так, чтобы этот выродок поправился или хотя бы пришёл в ясность сознания – и тогда его можно будет казнить. Казнить как-нибудь поизощрённее, чтобы и на том свете проклятому немчуре ещё долго помнилось, как именно он ушёл из жизни.

Планам Соломона не суждено было сбыться. К следующему утру больной, не приходя в сознание, умер.

Файшер похоронил труп в ближайшей канаве, закидав его сухими ветками и снегом. Напоследок он плюнул на импровизированную могилу и тяжёлыми шагами ушёл прочь.

Вещей у немца оказалось не так уж и много: всякие хозяйственные мелочи, табак, нашёлся даже хороший перочинный нож. Из одежды ничего не пригодилось, даже сапоги настолько износились, что их можно было сразу выкидывать.

Пакет Соломон приберёт напоследок и не прогадал: именно в нём оказалось самое ценное.

Глава 1 (Лондон, апрель 1995 года)

Звякнул дверной колокольчик.

– Проходите, прошу Вас! – Воскликнул продавец откуда-то из глубины помещения. – Смею Вас заверить: моя лавка – единственное заведение во всём Лондоне, куда товары поступают сразу из первых рук, минуя всех посредников!

Мистер Брайтон – высокий седой старик лет шестидесяти, весьма живой для своего возраста – вошёл внутрь, хмыкнул и с интересом оглянулся по сторонам.

Он был профессором археологии, и подобные магазинчики с надписью «Антиквариат» весьма интересовали его. Будучи домоседом и человеком, в корне ненавидевшем всякие передвижения по земному шару, Брайтон тем не менее умудрялся совершать поразительные открытия «на кончике» пера», не покидая границ своего родного города.

Откуда-то из-за витрин выбежал низенький толстый человечек, внешне очень похожий на престарелого еврея, нашедшего тёплое местечко. Он, не снижая скорости, гостеприимно раскинул руки, словно намеревался обнять нежданного посетителя.

Тот сделал шаг назад.

Человечек затормозил, едва не сбив вошедшего с ног.

– Здравсте!! Очень рад Вас видеть!! Очень!! – Продавец так энергично затряс руку посетителю, что тот окончательно растерялся под таким напором.

– Меня зовут Джим Брайтон, – залепетал вошедший. – Я – профессор археологии Оксфордского университета.

– Альберто Файшер к вашим услугам. Просто – Альберто Файшер.

– Очень рад, – по всем правилам хорошего тона завершил процедуру знакомства Брайтон.

– Я – владелец этого чудесного во всех отношениях магазина. Я даже и магазином это называть не осмеливаюсь – это своеобразный клуб по интересам. Клуб в лучших традициях старой доброй Англии. Сюда частенько заходят джентльмены, которые интересуются историческими находками – и, смею вас заверить, они никогда не покидают лавку с пустыми руками.

Брайтон нарисовал на лице вежливую улыбку.

– Я вам хочу показать великолепный экспонат моего магазина! Жемчужина коллекции, можно сказать! – Продавец залучился энтузиазмом. – Я уверен, что, только Вы его увидите – сразу же купите!

– Ну? – В этом коротком слове профессор смог выразить весь свой скептицизм, но его собеседник предпочёл этого не заметить.

– Посмотрите сюда! – Указал он на большую витрину прямо перед входом.

– Ничего не вижу! – Буркнул профессор, вглядываясь в стеклянную завесу.

– Это потому, что я освещение ещё не включил, – пояснил Файшер. – Тут, понимаете-ли, приходится на всём экономить. Посетителей сейчас не очень много, в наше время мало кто интересуется историей, а расходы на иллюминацию значительные. Вот и приходится включать свет, только когда кто-нибудь...

– А можно поближе к делу? – Не очень вежливо прервал Брайтон словоохотливого продавца.

Включилась подсветка витрины и послышался торжественный голос:

– Это – самый настоящий череп неандертальца. Ничего древнее в моём магазине просто-напросто нет! Шесть лет назад его сюда привёз один мой очень хороший друг из сибирской экспедиции.

Перед Брайтоном оказалась витрина, в которой, зияя пустыми впадинами глазниц, лежал жёлтый, чуть удлинённый и покрытый многочисленными трещинами череп.

Брайтон поднял брови:

– Вы уверены?

– В том, что он мой друг? – Удивился Файшер. – Конечно! Мы с ним учились в одном классе!

– Нет, я о другом. – Брайтон вытащил из кармана платок. – Вы уверены, что артефакт обнаружен именно в сибирской экспедиции и в том, что это – череп именно неандертальца, а не какого-нибудь примата?

– Абсолютно! – Засуетился антиквар. – Я, понимаете-ли, очень ответственно подхожу к каждому экспонату, что появляется в моём магазине, поэтому любая ошибка, даже малюсенькая, абсолютно исключена!

Профессор промокнул лоб и аккуратно положил платок в карман.

– Да будет вам известно, – снисходительно начал он вещать, с интересом разглядывая, как по мере его слов изменяется лицо продавца антиквариата, – что череп неандертальца не может быть обнаружен в Сибири по одной простой причине: неандертальцы жили совсем в другой части света.

Наступила неловкая пауза.

– Есть ещё кое-что, – продолжил Брайтон. – Знаете, чем отличается череп среднестатистического примата от черепа, к примеру, того же неандертальца? Черепная коробка *Homo neanderthalensis* имеет ярко выраженные...

– Здесь, понимаете ли, очень много подобных вещиц, – поспешно перебил его антиквар, – и происхождение каждой выяснить довольно трудно. Вы должны войти в моё положение, уважаемый... простите, забыл, как вас зовут!

– Не беспокойтесь, – невозмутимо парировал профессор, – я забыл, как зовут вас.

– Альберто Файшер, – вторично представился антиквар.

– Джим Брайтон.

– Очень приятно. Честное слово – ну, просто ОЧЕНЬ! Уважаемый мистер Брайтон, я очарован вашим интеллектом! Вы меня разгадали! Череп – это такая своеобразная проверка. У меня магазин серьёзный, должен же я каким-то образом понимать, какие из моих посетителей – солидные знающие люди, а какие – так себе, забрели в магазин из чистого любопытства.

– И?

– Вы прошли проверку! Теперь я точно знаю, что вы – знаток своего дела!

– Не просто знаток, – педантично поправил его Брайтон. – Я – профессор. Про-фес-сор, милейший, и никак иначе.

– Да-да-да, я в курсе. Профессор – это очень серьёзная должность! Которая ко многому обязывает! Индиана Джонс – он ведь тоже был профессором археологии?

Брайтон озадаченно нахмурился. Это имя он уже где-то слышал, но где и по какому поводу – это напрочь вылетело из головы.

– Уясните себе, дорогой мой, что профессор – это не должность, а научная степень. А должность у меня – заместитель заведующего...

– Это просто великолепно! – Всплеснул руками Альберто. – Мне тоже нравятся всякие пирамиды, сфинксы, мамонты и тому подобная лабуд... артефакты. Я ведь деньги на них зарабатываю..., – он осёкся, словно поняв, что сболтнул лишнее. – Ну, ладно, пойдёмте!

– Куда вы меня ведёте? – Слабо запротестовал профессор.

– Сейчас вы всё увидите! – Антиквар бесцеремонно схватил посетителя за рукав и увлёк за собой в глубину помещения. Мой магазин – это просто Клондайк. Вы всё увидите! Всё! Я ничего не утаю! А на тот черепок не обращайтесь внимания! Он ещё долго будет морочить головы всяким простачкам!

Брайтону удалось вырваться из цепких рук антиквара. Продавец засеменил вглубь магазина и Брайтону пришлось последовать за ним.

Профессор клял себя за слабохарактерность. Чего ему стоило хлопнуть дверью и уйти восвояси. Его останавливало лишь опасение, что вдруг в этой забегаловке на самом деле отыщется что-нибудь стоящее, ради чего не жалко потратить две-три тысячи долларов.

Лавка была совсем крохотной, но висащие по стенам большие зеркала создавали впечатление пространства; ощущение усиливалось длинными узкими витражами в окнах.

Изнутри антикварный магазин очень напоминал интерьер средневековой лавки «Разные мелочи». Вся площадь была занята высокими, в четыре стеллажа, стеллажами, на которых были аккуратно разложены товары. Внизу лежали вещи небольшого размера, выше – чуть побольше, на самом верху – объёмистые мешки и ящики с совсем уже непонятным содержанием.

Одновременно вспыхнули все лампы – и магазин осветился ярким люминесцентным светом.

Особенно ценные экспонаты располагались на отдельных витринах, под стеклом, и подсвечивались автономными светильниками.

Антиквар куда-то убежал.

Брайтон неторопливо прошёлся вдоль полок, разглядывая предложенные товары. Время от времени он поднимал брови и скептически хмыкал. Пару вещиц он взял в руки, зачем-то попробовал на вес и небрежно поставил обратно.

– Что вы знаете о свойствах алмазов? – Спросил неожиданно появившийся из-за очередной витрины Файшер.

– Самое твёрдое вещество, – отозвался профессор. – Обычно он бесцветен, но...

– Я о магических свойствах! – В руках антиквар держал небольшую картонную коробочку. – Алмаз – камень необычайной силы и чудодейственных возможностей. Он соединяет человека с космосом и...

– Короче говоря, – тут же понял догадливый Брайтон, – вы хотите продать мне алмаз?

– Совершенно верно! В оправе и на цепочке!

– Милейший, меня это не интересует! Минералогия не имеет никакого отношения к историческим изысканиям. Странно, что Вы этого не знаете.

– Я-то всё это знаю. Но вы даже не представляете, когда и где отыскали этот алмаз!

– Просветите, будьте добры.

– В Индии, в пятом веке.

– Индия. Пятый век. Как это пошло! Неужели у вас больше ни на что другое не хватает фантазии? – Он вздохнул. – Н-да, как-то негусто у вас с артефактами.

– У меня есть сабля Наполеона! – Упавшим голосом предложил антиквар.

– За всю свою жизнь я видел около полусотни таких сабель. Но что-то я ни разу не слышал, что у почтенного полковника была мания их коллекционировать.

– Ладно, тогда я вам сейчас покажу такую-ую вещицу, – протянул он и снова убрёл в глубину магазина.

Брайтону снова пришлось идти за ним.

Правое крыло магазина было отведено для экспонатов более крупного размера.

– Как это ещё стенобитное орудие сюда не притащили? – Пробормотал профессор, разглядывая небольшую пушку, рядом с которой в обычной фанерной коробке из-под фруктов, лежали миниатюрные ядра.

– Сто двадцать тысяч долларов! – Издалека крикнул продавец. – Вместе с ядрами и прочими комплектующими.

– Какого века это изделие? – Уточнил профессор.

– Семнадцатого!

– Очень странно, что в семнадцатом веке знали современный английский язык. Здесь, на лафете, есть крошечное клеймо «Made in China».

Продавец, судя по всему, решил оставить это ценное наблюдение без внимания.

– А что вы имеете против Китая? Китай – великая страна, – отозвался он. – Ещё в начале нашего века это была феодальная империя, состоящая из кучки голодных оборванных крестьян. У них не было инструментов сложнее деревянной сохи. Теперь же это сверхдержава, которая производит более половины товаров всей мировой промышленности...

– Я всё понял, – сказал Брайтон. – Позвольте откланяться – не смею больше вас задерживать.

– Подождите! – Заволновался антиквар. – Я сейчас, через пару секунд, вот только вытаску вот эту штуку... – Раздался грохот. – Вот, готово!

Теперь раздался звук, будто по полу тащили что-то очень тяжёлое. Вскоре показался продавец, он волочил за собой небольшое изваяние Будды на массивной подставке.

– Седьмой век! – Утирая пот со лба пояснил Файшер. – Китай. Бронза. О цене мы можем договориться. Сумма довольно значительная, но вещь того стоит.

Брайтон вздохнул. Судя по его лицу, он был не прочь иметь дома в качестве сувенира нечто подобное, но о цене он спрашивать даже не решился.

– Нет! – Сказал он. – Как это не прискорбно, но я покидаю ваше заведение. Рад был познакомиться, господин... простите, имена постоянно вылетают у меня из головы.

Антиквар разволновался. Он упустил важного клиента. В последнее время дела в магазине шли всё хуже и хуже. Плата за аренду помещения и за коммунальные услуги в несколько раз превышали доход от лавки. Концы с концами не сходились, несмотря на титанические усилия.

Большую часть дня Файшер бродил по лавке, вытирал пыль с витрин, переставлял с места на место безделушки и с тоской смотрел в окно. Даже в лучшие времена он едва ли обслуживал больше десятка человек в неделю, сейчас же за последние шесть дней это был первый посетитель.

– Мистер Брайтон!! – Завопил продавец. – Подождите!! Я вам сейчас продам то... то... – он набрал полную грудь воздуха, зажмурил глаза, но неожиданно замер, постоял так несколько секунд, затем открыл глаза и совершенно спокойным голосом закончил, – то, что я вам никогда не продам! Спасибо, что посетили мою лавку. – Он энергично пожал профессору руку. – Рад был Вас видеть. Надеюсь, что Вы как-нибудь ещё зайдёте ко мне.

Он повернулся спиной к посетителю и мелкими шажками засеменял прочь. Профессор с неожиданной для его возраста прытью догнал его, схватил за плечо с повернул к себе.

– А вот с этого места поподробнее! – Сказал он. – Что у вас есть?

Файшер извернулся:

– Ничего особенного! Это я так... Брякнул, не подумав...

– Дорогой мой! – Проникновенно сказал профессор. – У меня в кармане три тысячи восемьсот франков, сто пятьдесят фунтов и больше четырёх тысяч долларов на счету в банке. Если у вас имеется что-то такое, что в самом деле меня заинтересует, я за ценой не постою.

Файшер поправил лацканы потёртого пиджака:

– Я сомневаюсь, что это Вас заинтересует.

– Хватит набивать цену, говорите.

Продавец набрал полную грудь воздуха и шёпотом выдохнул:

– Это карта!

– Карта сокровищ, я полагаю?

Файшер покаянно кивнул.

– Ясно. Удачного дня! – Сухо попрощался Брайтон.

Продавец подскочил к двери, закрывая выход:

– Вы не понимаете!! Это карта досталась мне от моего отца!!

– Пропустите, будьте добры.

– Всё совсем не так, как Вы думаете! – Сбивчиво начал объяснять Файшер. – Дело в том, что я не собираюсь Вам её продавать. Точнее, собираюсь, но... не так, как Вы думаете. Я... – он запнулся и решительно закончил, – я хочу стать вашим компаньоном в поисках клада.

Профессор поднял глаза и некоторое время озадаченно смотрел на своего собеседника, потом тряхнул головой:

– Это что – шутка такая?

Впервые за последние четверть часа лицо продавца озарила несмелая улыбка.

– Понимаете-ли, в чём дело, – зачастил он, – мой отец и сам собирался туда ехать, но времена там были беспокойные, а недавно там всё стало относительно приходить в норму, вот я и решил, что можно было бы туда съездить, просто посмотреть, что и как, вряд ли там можно будет что-нибудь так сразу обнаружить, тем более, я пересмотрел множество документов, относящихся к эпохе второй мировой, но результаты пока не слишком обнадеживают, но всё равно все мои выводы нужно проверить практически, но одному мне ехать как-то страшно, но я всё не могу подобрать себе человека, заинтересованного в проекте, я, понимаете-ли...

Брайтон, слушавший эту речь с непроницаемым выражением лица, перебил оратора:

– А вы пробовали подбирать?

– Что? – Остановился Файшер, резко, словно спринтер, перед которым выросла каменная стена.

– Вы пробовали подбирать себе компаньонов?

– Не совсем..., точнее, совсем не пробовал, – признался продавец. – У меня не столь много доверенных людей, с которыми я мог бы поделиться... э-э-э... конфиденциальной информацией.

– Странные у Вас методы отбора, уважаемый. А я, значит, так сразу и внушил вам доверие?

– Ага!

Брайтон засмеялся:

– А если честно?

– Если честно, – с отчаянием в голосе проговорил Файшер, – у меня отчаянное финансовое положение. И я больше не нахожу приемлемого способа его поправить.

– ...вам только и осталось рисовать карты с сокровищами, – в тон ему закончил профессор – и продавать их посетителям.

– Вы так ничего и не поняли!

– Я всё понял. Даже больше, чем вы думаете. А теперь отвечайте, только быстро: откуда у вас карта?

– Мне передал её отец.

– А у него она откуда?

– От одного немца.

– А поподробнее? – Поднял брови профессор.

– Во время Второй мировой войны мой отец оказался в России, и там случилась странная история, подробностей которой я не знаю. Если я правильно понял, он спас от смерти какого-то эсэсовца, который в благодарность подарил ему карту, где указано место захоронения сокровищ.

– Чтобы эсэсовец сделал подарок, извините, еврею? Это такая чушь, что я... я... я, пожалуй, склонен ей поверить.

Лицо Файшера вытянулось:

– Как так?

– Нарочно такого не придумаешь. Вот что, милейший, покажите-ка мне эту бумагу!

– Сначала деньги! – Тут же отреагировал продавец. – Пять тысяч долларов! И сорок процентов от будущей прибыли.

– Если вы в самом деле собрались быть моим компаньоном, – сухо проговорил Брайтон, – будет лучше, если вы мне будете оказывать больше доверия. И, кстати, где находятся ваши сокровища? – Последнюю фразу он произнёс с непередаваемым сарказмом.

– В России. В Брянской области!

– Это лучше, чем в какой-нибудь Австралии. Несите!

Файшер лишь на мгновение задумался, затем всплеснул руками и, что-то бормоча, мелкими шажками засеменил в глубину лавки.

Его долго не было.

– Проучить бы этого пройдоху, – вздохнул профессор. – Взять пару безделушек и уйти восвояси. Но в одном этот парень прав: я – человек воспитанный. Ладно, посмотрим, что принесёт этот шут гороховый.

Как Брайтон не крепился, но настроение у него становилось всё хуже и хуже. Наверное, он понимал, что ввязывается в величайшую авантюру всей своей жизни.

Файшер появился с картой в вытянутой и поднятой над головой руке, будто Данко с сердцем или словно герой какого-нибудь балета с чашей Грааля.

– Ну-с, давайте посмотрим, что у вас тут, – сказал профессор.

Он потребовал лупу, потом – лупу посильнее, зачем – микроскоп, которого, впрочем, в наличии не оказалось, долго разглядывал ветхую бумагу, шумно вздыхал, словно склонялся над столом, наконец, был вынужден признать:

– Боюсь, данный документ – подлинный.

– Я в этом не сомневался!

– В целом мне всё понятно, – подытожил профессор. – На бумаге изображён подробный план местности в довольно крупном масштабе. В правом углу – ряд цифр, в левом – рисунок орла, который – в этом нет сомнений – является ориентиром, ибо от него отходят стрелки с указанием расстояния.

– Пять стрелочек, – уточнил Файшер, – вниз, вправо, вниз, влево, и снова влево.

– Около первой стрелки – «шестьсот метров», затем – четыреста, двести, двести и восемьсот.

– Следует упомянуть, что нам даны названия нескольких населённых пунктов...

– Це-мен-т-ный за-во-д, Ши-бе-не-ц, Фо-ки-но, Бо-ро-в-ка, – по складам прочитал торговец антиквариатом и пожаловался. – Эти русские названия – абсолютно непроизносимы.

– Мистер Файшер, а с чего Вы взяли, что эта местность находится в Брянской области?

– А вот, смотрите, тут внизу есть буквы, они почти стёрлись, но мне удалось прочитать. Там стрелка компаса, указывающая на север и надпись «Брянск» а рядом указатель, что до него то ли шесть, то ли восемь километров»...

– Последний вопрос: что именно находится в указанном месте?

– Одного золота больше двухсот килограмм!

Профессор поднял брови и поверх очков воззрился на своего собеседника:

– С чего Вы взяли?

– На обратной стороне кое-какие подсчёты.

Брайтон, с лицом человека, внезапно осознавшего, что он – полный и безоговорочный идиот, перевернул лист бумаги и даже приоткрыл рот, увидев, мелкий убогий текст. В основном это были формулы и какие-то расчёты, но в углу листа находился список.

«Gold und Goldprodukte – 210 kg 320 g

Diamanten – 23 kg 840 g

Produkte aus Edelmetallen – 42 kg...»

– У меня всё переведено на английский, – заторопился Файшер.

– Не сомневаюсь. На вашем месте это сделал бы любой. Несите перевод!

Торговец антиквариатом убежал, а Брайтон, оставшись в одиночестве, даже потёр руки. Пучина авантюры засасывала его всё глубже и глубже, но теперь почтенный профессор археологии испытывал от этого удовлетворение.

Глава 2 (Питер, май 1995 года)

За месяц, что готовились к путешествию, маршрут передвижения по России был проработан досконально.

Из Питерского аэропорта искатели сокровищ планировали на такси добраться до города; там, в каком-нибудь дешёвом автомагазине, приобрести подержанную машину и дальше, уже на колёсах, двинуться по трассе Е-95 в российскую столицу. Задерживаться в историческом центре России они не намеревались, максимум – переночевать.

Из Питера путь предприимчивых англичан должен был простираться по маршруту Санкт-Петербург – Великий Новгород – Тверь – Москва – Калуга – Брянск. В Брянске нужно было отыскать муниципальный исторический архив. Куда же направиться дальше – это должно стать понятно после изысканий в этом самом архиве. Где-то на территории Брянской области должен находиться населённые пункты под странными названиями Цементный завод, Фокино и Шибинец – именно в их окрестностях и находилось указанное на карте место.

Неожиданности начались уже на российской таможне. После утряски неожиданно возникших проблем, бюджет кампании уменьшился на сто долларов. Настроение компаньонов, как следствие этого, тоже изменилось, и отнюдь не в лучшую сторону.

Таксист в аэропорту запросил более чем адекватную сумму. Точнее, адекватной Брайтон считал её до тех пор, пока, по прибытии на место не выяснилось, что эта сумма указана не в рублях, а в долларах.

– Сколько?! – Пришёл в ужас профессор. – Да вы в своём уме?!

Таксист оказался недостаточно англоговорящим, чтобы понять все лингвистические тонкости вопроса, но смысл восклицания уловил верно и как бы между прочим погладил лежащую на соседнем сиденье бейсбольную битку.

Компаньоны намёк поняли.

Пришлось расплатиться.

Автомагазин, где продавалась подержанная техника, удалось отыскать без особого труда.

– Однако... – Сам не зная того, с доскональной точностью скопировал слова известного комедийного персонажа «Двенадцати стульев» Брайтон, когда менеджер протянул ему прайс. Разве только Киса Воробьянинов говорил по-русски, а профессор – на своём родном языке; однако интонации он соблюл с поразительной точностью.

– Да уж..., – поддакнул ему Файшер. – Но без машины нам в любом случае нельзя.

Выбор остановили на белом «форде», отличавшимся от прочих лотов сравнительно небольшой ценой и более-менее сносным внешним видом.

В Питере они пробыли совсем недолго. В сторону Москвы стартовали этим же вечером.

Без приключений не обошлось. Они ещё были в черте города, когда лопнуло переднее колесо.

Оба кладоискателя в технике разбирались на уровне среднестатистической блондинки, поэтому, уподобляясь известной анекдотной героине, они принялись тоскливо скитаться вокруг своего авто, решая, что делать дальше и не стоит ли возвратиться в магазин, чтобы потребовать сатисфакции.

Через четверть часа рядом притормозил какой-то альтруист.

– Что, отцы, проблемы? – Поинтересовался он, выходя из своей машины и приглядываясь к спустившему колесу.

– Мы вас не понимаем! – Без всякой надежды на успех отозвался профессор.

Само собой, сделал он это по-английски.

Услышав иностранную речь, альтруист воодушевился.

– Сто баксов!

Не прошло и часа, компаньоны продолжили путешествие.

– Здесь жуткие цены! – Сказал Файшер и без того очевидную вещь.

Профессор помолчал, но его лицо болезненно исказилось, что в наступивших сумерках было почти не видно.

– Вам нужно было взять кредит, – продолжал Альберто, не замечая с каким лицом спутник слушает его разглагольствования. – Тогда бы мы не испытывали проблем с финансами. Я вам это предлагал, не понимаю, почему вы не вняли моим советам.

Брайтон крутанул баранку руля:

– Ты когда-нибудь брал кредит?

– Не приходилось.

– Вот и молчи! – Огрызнулся профессор. – Что мне нужно было указать в целях кредита?

Плата за обучение? Покупка автомобиля? Приобретение недвижимости?

– А просто так нельзя взять?

– Можно. Но тогда будут очень высокие проценты.

– Ясенько, – поскучнел антиквар.

– Ты не учёл ещё одного. Что, если наша затея окончится неудачей? Как тогда возвращать деньги?

– Не очень-то вы оптимистично настроены, – недовольно заметил Файшер.

– Я реально смотрю на вещи. Прошло более полувека. За это время могло произойти многое.

– Думаю, немцы не настолько глупы, чтобы прятать золото в таком месте, где его можно будет быстро отыскать.

– Только на это и надеюсь, – мрачно сказал Брайтон.

Долго молчали. Когда за очередным поворотом показались гостеприимно светящиеся окна придорожного кафе, профессор принял влево, десяток метров проехал по обочине, затем аккуратно вырулил на стоянку.

– Пора перекусить! – Сказал он.

Глава 3 (окрестности Питера)

Смеркалось. По асфальту, влажному после недавнего дождя, мчались редкие автомобили. Иглы фар выхватывали фрагменты густой листвы, куцые придорожные ели, изредка – яркие квадраты дорожных знаков

Даже летом северорусская природа окрестностей Питера не блистала разнообразием, весной же, особенно поздним дождливым вечером, дорога была на редкость уныла и пустынна. Окрестности мегаполиса, где вдоль дороги теснились придорожные кафе, пёстрые рекламные плакаты, сияющие огнями заправки и мини-супермаркеты, остались далеко позади. Теперь обитаемые места ограничивались редкими оазисами, джентльменский набор которых включал магазинчик, бензозаправку и небольшое кафе. Тут же, по обеим сторонам дороги, устраивали ночную стоянку дальнобойщики.

Около одного из таких бастионов цивилизации притормозил белый «форд». Машина медленно проехала до ряда фургонов, некоторое время постояла с включёнными фарами, затем аккуратно заехала между двух близко стоящих фур.

Звук двигателя смолк, фары потухли, но водитель не спешил выходить. Минут десять он курил в приоткрытое окно. Было видно, что человек сильно нервничает, слишком быстро вспыхивал огонёк сигареты.

В неровном свете уличного фонаря можно было разглядеть, что водитель немолод и ему вряд ли меньше пятидесяти.

Вскоре сигарета вылетела куда-то на обочину, её оранжевый огонёк затух в мокрой листве. Мужчина вышел из автомобиля и неровными после долгого сидения за рулём шагами пошёл в сторону кафе.

Над дверью висела лампочка, круг света падал на потрёпанный резиновый коврик.

Мужчина подошёл к двери и несколько секунд постоял, прислушиваясь к звукам проезжающих по шоссе автомобилей, потом поднял глаза на вывеску.

«У Михалыча».

Незнакомец усмехнулся.

Конечно, как ещё можно назвать рядовую придорожную кафешку. «У Михалыча», «У Сергеича», «У Антохи»... – на что-то большее фантазии учредителей редко хватало.

Наконец, вытерев мокрый лоб, мужчина потянул на себя ручку двери.

Внутри кафе было в меру уютно. Вся обстановка ограничивалась десятком столов с простенькими пластмассовыми стульями, большим настенным панно «Охотники на привале» и длинным, во всю стену прилавком. Давно немытые оконные стёкла тщательно драпировали потёртые желтоватые шторы.

«...девушка мечты, – старательно выводил приёмник, —

В этот вечер не со мной осталась ты

Я тебя нарисовал, я тебя нарисовал

Только так и не познал твоей любви...»

Продавец скучал на своём рабочем месте в компании бутылки пива и крохотного китайского телевизора. Он был поджарый, очень загорелый, с длинными, печально висящими усами и чем-то напоминал престарелого цыгана.

Посетитель быстро оглядел зал. За дальним столиком сидела донельзя рыжая девочка лет одиннадцати, несмотря на жару, одетая в тёплую болоньевую куртку и пушистую розовую шапку. Её столик был пуст, на нём не было даже вазочки с пластиковыми цветами. Девочка яростно вычерчивала пальцем на скатерти замысловатые узоры и выглядела очень расстроенной.

На другом столике вылизывался громадный кот простоквашинской расцветки.

Мужчина закончил осматривать помещение и остался удовлетворён: больше в кафе никого не было.

Представитель торговой интеллигенции неспешно встал и щёлкнул кнопкой выключателя – зал осветился.

– Добрый вечер! – Кивнул он. – Что желаете?

– Сто грамм и бутерброд какой-нибудь, – буркнул гость.

Руки продавца проделали привычную комбинацию жестов, в результате чего на стойке появилось искомое.

– Вы не за рулём?

– Пустяки! – Отмахнулся тот и одним махом выпил заказанное, после чего мрачно начал жевать бутерброд.

– Проблемы? – Участливо поинтересовался бармен.

Мужчина тяжело вздохнул, но промолчал.

– У меня тоже вечерок выдался не из лёгких. – Судя по всему продавец был любителем поболтать, даже плохое настроение собеседника его не остановило. – Сначала у помощника живот прихватил – я его домой отправил, а то сортир постоянно занят, перед людьми неудобно. Потом дальнобойщики принялись буяннить, я их насилу успокоил и отправил спать по фурам. Теперь вот эта мелочь заявила, – кивнул он на сидящую в зале девочку, – и жрать потребовала таким тоном, будто я ей чего-то должен. А денег, говорит, нету.

– Покормили бы, – равнодушно отозвался посетитель, думая о чём-то своём.

– Ага! – Вскипел работник кафе. – Чего тут – бесплатная столовая?! Если каждого кормить – в трубу вылетишь!

– А-а, ну да...

На этом разговор прекратился.

За стеной послышался звук очередного подъехавшего автомобиля. По шторам мазнул свет фар.

Посетитель заволновался, быстрыми шагами подошёл к окну, чуть отодвинул шторы и осторожно выглянул на улицу.

– Долго ты тут будешь сидеть? – Крикнул торговец. – Я не собираюсь попрошаек тут привечать!

От резкого звука мужчина вздрогнул и обернулся.

– Давай, выметайся! Сейчас люди придут! – Послышался голос из-за прилавка.

Оказалось, что продавец обращается к девочке, которая тут же вспыхнула, бритвенно сжала губы, неловко выбралась из-за стола и направилась к выходу.

Вислоусый проводил её тяжёлым взглядом. Он следил, чтобы она по пути не прихватила в карман какую-нибудь мелочёвку со столов или с прилавка.

Посетитель снова повернулся к окну и осторожно выглянул за штору. Похоже, то, что он там увидел, ему не очень понравилось.

– У вас тут есть второй выход? – Вдруг спросил он.

Продавец, который только-только уселся на своё место, качнул головой:

– Здесь всего одна дверь.

Посетитель повёл себя совсем уже неадекватно: он метнулся к стойке, схватил большой нож для резки хлеба и спрятал его за пазуху.

Дверь кафе хлопнула и на послышались оживлённые голоса. Вошедших было двое и разговаривали они между собой. Продавец был настолько испуган поведением своего клиента, что даже не сразу сообразил, что разговор ведётся не по-русски.

– Как это не банально, но я очарован этой страной, – сказал Файшер, открывая дверь и пропуская в кафе своего спутника. – Европа тесна и скучна. Я специально посмотрел в справочнике интересных фактов: одна только Иркутская область в полтора раза больше целой

Франции, а Мурманская область, не самая, кстати сказать, большая в России, на тринадцать тысяч квадратных километров больше всей Греции!

– Альберто, – усмехнулся Брайтон, – пять минут назад ты не был столь словоохотлив.

– Это потому, что мне показалось, будто мы собираемся пропустить ужин. Тут у любого настроение испортилось бы.

– Но ты же не думал, что мы будем ехать всю ночь?

– Думал! – Покаянно кивнул Файшер. – От Вас всего можно ожидать...

Он, конечно же, шутил.

– Good evening! – Вежливо поздоровался профессор, подойдя к стойке (Добрый вечер! Англ.).

– За-да-ра-ва-ству-ете, – по складам прочитал Файшер, едва разобрав в полутьме строчку словаря.

– Здравствуйте! – Продавец попытался улыбнуться, но у него получилась гримаса, больше похожая на оскал. Он смотрел куда-то за спины компаньонов.

– Странный он какой-то, – шёпотом сказал Файшер.

– Угу, – тихонько подтвердил Брайтон, а в полный голос потребовал меню и стал ждать результатов.

– Мэни? – Повторил продавец. – Не понимаю.

– I need a menu! (Мне нужно меню!)

Бармен качнул головой:

– Я ничего не понимаю!

Широко улыбнувшись Файшер сделал шаг вперёд:

– Я сказать! – Сообщил он, глядя в словарь. – Мы имьеть необходимость..., – и быстро залистал страницы, ища нужное слово. – Питание! – Наконец торжествуя докончил он.

Продавец кисло кивнул. Он давно уже понял, что нужно этим иностранцам, но тот факт, что на сцене находится парень с ножом за пазухой, здорово мешал сосредоточиться.

Парень с ножом меж тем отошёл от окна и уселся за свой стол, продолжая настороженно рассматривать посетителей.

На витрину мягко спланировало несколько листков формата А4, скреплённых обычной швейной ниткой.

– Правильно говорят, что все русские – варвары, – пробормотал Файшер.

Наименования блюд были напечатаны обычной пишущей машинкой, и даже не очень ровно.

До сих пор Брайтон лелеял слабенькую надежду, что, как в любом уважающем себя ресторане, меню будет на двух языках – на местном, и на английском. Профессор бросил беглый взгляд на дизайн этого произведения местного искусства, и надежда, даже не трепыхнувшись напоследок, скончалась в страшных мучениях.

Переговоры Брайтон поручил своему компаньону, а сам откинулся на спинку стула и принялся наблюдать за процессом

Минут через пятнадцать с помощью англо-русского словаря и жестов Файшеру удалось толковать бармену, что им нужен плотный хороший ужин.

Компаньоны уселись за столик около входа, рядом со столиком, где в глубокой задумчивости сидел хмурый мужчина.

Брайтон пару раз посмотрел в его сторону, а Файшер, случайно поймав взгляд незнакомца, даже помахал ему рукой.

Тот встрепенулся.

– Извините, – сказал вдруг он, – Вы говорите по-русски?

Файшер разразился длинной тирадой на английском языке, которая сводилась к тому, что по-русски он ни слова не понимает и было бы неплохо, если бы собеседник выражался на английском, пусть даже самом плохом.

– This is true (Это верно), – коротко подтвердил Брайтон слова своего друга.

– Ду ю спик англиш?

– Yes! (Да) – Снова сказал профессор.

– Вы издалека?

Англичане переглянулись.

– Я не понимаю, что он от нас хочет, – заметил Брайтон. – Как ты думаешь, неужели он не понял, что мы ни слова из его речи не понимаем?

– Может, он хочет нас проверить, – предположил Альберто.

Услышав иностранную речь без единого вкрапления русского слова, неадекватный посетитель резко потерял интерес к беседе. Улучив момент, когда на них никто не смотрел, он протянул продавцу нож:

– Простите, что помешал вам!

– Ничего себе «помешал»! – Взвился защищённый стойкой, тем не менее насмерть перепуганный мужчина, тут же восстанавливая «статус кво». – Вы меня чуть не зарезали!

– Вы преувеличиваете, – заметил возмутитель спокойствия. – Но даже если бы я и решился применить оружие, то уж никак не против вас. А теперь всё-таки дайте мне сто грамм, какой-нибудь закуски – и забудем об этом неприятном происшествии.

Продавец мысленно махнул на всё рукой и начал готовить бутерброды. В конце концов, ничего страшного не случилось, успокаивал он сам себя, да и мужик не походил на классического братка, скорее на жертву этих самых братков. Сейчас у каждого встречного пушки, чисто для самообороны, по теперешней жизни без этого нельзя. А то, что у незнакомца ничего похожего не было и он схватился за нож, и даже не за свой – это ему только плюс.

Ужинали в полном молчании.

Только однажды Брайтон, вспомнив, как Файшер с помощью словарика пытался договориться с барменом, вздохнул:

– Очень плохо, что никто из нас не знает русского языка. Чувствую, если мы не найдём переводчика, начнутся серьёзные проблемы.

Проблемы уже начались, только он ещё об этом не знал, и проблемы совсем другого характера.

Глава 4

Братки подъехали к месту действия почти сразу же за искателями сокровищ. Уже через пару минут из-за поворота шоссе выплыл нос навороченной по последнему слову техники машины.

– Серёга, не вздумай светиться под фонарями. – Зашептал Вовчик. – Тем более, заезжать на стоянку. Мне кажется, этот лошара начинает что-то подозревать.

Чёрная «ауди» сдала назад и сразу же растворилась на фоне придорожных кустов.

– Я пока пойду посмотрю, здесь он или нет, – сказал Серый. Он выбрался из машины, потянулся, разминая затёкшие конечности, и неслышно скользнул в темноту.

Вовчик в свете карманного фонарика принялся разглядывать карту, которая, развёрнутая, заняла почти всю кабину. Прищурившись, он водил пальцем по потрёпанной бумаге и что-то бормотал себе под нос, и пару раз даже тихонько ругнулся.

Он настолько увлёкся топографическими изысканиями, что подпрыгнул от неожиданности, когда отворилась дверца автомобиля.

– Это ты? – Запинаясь, спросил браток.

– Кто же ещё? – Буркнул Серый. – Пусти!

Вовчик принялся поспешно сворачивать карту.

– Ну, как, он там?

Серый пожал плечами:

– В забегаловке сидит, – он устроился на своём месте и сладко зевнул. – Спать хочется – жуть!

– Мы уже километров сто от Питера отмахали, – сообщил итоги своих изысканий его напарник.

– Похоже этот чудила в белокаменную намылился, – озвучил общие подозрения Серый.

Они помолчали.

– Слышь, Вован, мы же в Москву не поедим? Чё нам там делать?

– Шеф сказал, следить за этим барсыком. А по поводу Москвы..., – браток пожал плечами, – он не говорил, что мы должны его пасти только в черте города.

– Но нельзя же быть таким правильным! – Взвился Серый.

– Почему же нельзя? – Спокойно отозвался его напарник. – Я, например, всегда слушаюсь босса. И пока у нас не было никаких проблем.

– И чем всё закончилось? Мы сидим посреди Е95 и пасём какого-то лоха.

– Ну, – Вовчик чуть смутился. – Надо же с чего-то карьеру начинать? Ещё пару лет – и будем в авторитете.

– С нашим-то нынешним начальничком? Тьфу! – От избытка чувств Серый даже сплюнул. – Сейчас мы трясём лоточников, а через два года «дорастём» до ларьков. Тоже мне, карьера!

Дверь кафе неожиданно отворилась, и на улице появилась тонкая фигурка. Не сразу стало понятно, что это ребёнок.

– Малолетка? Тут? – Удивился Вовчик.

– Ты говоришь так, будто мы на боях без правил, – хмыкнул Серый. – По ходу, это спиногорыз хозяина.

Девочка немного постояла в круге света, оглянулась по сторонам, и побрела в темноту.

Братки проводили её озадаченными взглядами.

– Вот что, – вдруг вскинулся Вовчик, – думаю, пора заняться биологией. Иначе по такой дороге, да ещё и ночью, мы этого гада-Умельца упустим. Да и неспроста он зашёл в эту забегаловку. Может быть он там с кем-нибудь встречается.

– У нас всего один «жучок». И нужно распорядиться им с пользой.

– Сейчас – самое время.

– Не уверен.

– Давай-давай, топай, ставь «жучок», я тут покараулю.

Серый покопался в бардачке, отыскал там спичечный коробок и потряс его, проверяя содержимое.

– Ты смотри, поаккуратнее.

– Не волнуйся. Ещё ни разу такого не было, чтобы кто-нибудь нашёл моего «жучка».

Серый выбрался из машины, аккуратно прикрыл за собой дверь, и очертания его фигуры растворились в темноте.

Вовчик снова склонился над картой. В том, что Умелец намылился именно в Москву, он почти не сомневался. Вопрос был только в том, хватит ли им денег на топливо, и не получится ли так, что овчинка не будет стоить выделки и слежка за клиентом в совокупности обойдётся гораздо дороже, чем прибыль. А ведь босс за такое вряд ли погладит по головке. А если в стоимость расходов включить «жучок»...

Н-да, тут было, о чём призадуматься...

Глава 5

В любой компании, даже самой маленькой существует лидер. В дуэте братков таким негласным руководителем был Вовчик.

Так уж повелось издавна, с самой школы: генератором идей всегда являлся Владимир, а Сергей был его правой, левой рукой, а также всеми остальными частями опорно-двигательного аппарата.

С первого класса, как только встретились, они сразу стали не разлей вода.

Если бы в каком-нибудь уголовном романе описывались детские годы криминальных авторитетов, было бы классикой начать рассказ о многочисленных шалостях, которыми друзья изводили своих преподавателей. На самом деле всего этого не было. Ребята баловались в меру, учились так себе, не хорошо, не плохо. Володя окончил школу с пятью четвёрками в аттестате, у Серёжки троек и четвёрок оказалось поровну.

Они дружно вознамерились поступить в один и тот же ВУЗ, так же дружно провалили экзамены и подпали под приказ об осеннем призыве. В армии их пути разошлись. Владимир служил где-то под Сахалином, Сергея забросило на Псковчину.

За два года, отданных родине, мир разительно изменился – начались девяностые.

Попав в родной город, ребята не узнали Питера. Новые времена настолько отличались всего того, что было привычно и знакомо, что они не сразу сориентировались в ситуации.

Знаменательный разговор произошёл уже через неделю после дембеля в крохотном ресторанчике на Суворовском. Материальное благосостояние обеих семей оставляло желать лучшего. Ребята заказали по кружке пива – вскладчину на это хватило впритык.

– Чё делать-то? – Спросил Сергей. – Крутиться нужно как-то?

О поступлении в институт речь уже не шла. За два года армии школьная программа изрядно подзабылась. А что касается институтов, то даже те ВУЗы, которые раньше номинально были бесплатными, за недостающие при поступлении баллы драли такие деньги, что нужно было быть миллионером, чтобы стать абитуриентом.

– Бабки нужны? – Спросил Владимир.

– Точно.

– Очень?

– Угу.

– Есть у меня один знакомый, а у того знакомого есть ещё один знакомый, – туманно начал объяснять Владимир. – Так вот, ему как раз нужны люди в команду.

Сергей недобро сощурился:

– И чем этот знакомый знакомого занимается?

– Бизнесом.

Знакомый знакомого оказался довольно приятным молодым человеком, который при первой же встрече расставил точки над *i*. Его команда занималась контролем частников около одного из Питерских вокзалов. Так назывался самый банальный рэкет.

Денег не было ни у кого. Многие продавали всё, чем удалось разжиться, и законным путём, и не очень; продукцию своих заводов, которую давали в качестве зарплаты; свои домашние вещи, имеющие хоть какую-нибудь ценность; зачастую – просто безделушки.

Стоило кому-нибудь появиться с товаром на импровизированном рынке в районе вокзальной площади, к нему тут же подходили молодые ребята в кожаных куртках и солнечных очках – униформа коммерсантов новой формации – и брали деньги якобы за оплату места. Люди отдавали беспрекословно – кому они были нужны, лишние проблемы.

Над предложением приятного молодого человека ребята раздумывали недолго – хотя работа была не совсем законной, точнее, совсем незаконной, выбирать не приходилось. В условиях тотального безденежья нужно было хвататься за любую возможность удержаться на плаву.

Начались трудовые будни.

Если сначала Серый чувствовал угрызения совести, складывая в барсетку помятые, нагретые теплом чужих ладоней купюры, то постоянные проповеди Вовчика изрядно поколебали его моральные убеждения.

– Ты пойми, – убеждал тот, – социализм с его законами уже закончился. «От каждого по способностям, каждому – по потребностям» – это уже в далёком прошлом. Теперь у нас капитализм. А «капитализм» – от слова «капитал», то бишь «бабки». Теперь выживет сильнейший. Если каждого будешь жалеть – долго не протянешь.

Прошло полтора года. За это время ребята повидали всякого и изрядно очерствели. Несколько раз приходилось драться, иногда бывало, что сначала били они, потом – их. После очередной потасовки Вовчик попал в хирургию и пролежал там почти месяц. Потом зацепило Серого. Пару раз ребятам приходилось уходить из-под плотного обстрела.

В общем, на отсутствие приключений пожаловаться было нельзя, как и на безденежье – босс платил исправно.

Последний клиент оказался несколько специфическим. Это был не просто типчик, который решил толкнуть на базаре своё барахло – этот народный умелец из самого обычного упаковочного картона сделал нечто вроде крохотного ларька и принялся сам скупать всякие безделушки, а потом с успехом их втюхивать доверчивым гражданам.

– Да он вообще обнаглел, – ровным голосом сказал шеф, узнав об этом. – И сколько он там сидит?

– Почти неделю? – напрягся Вовчик. – Платит исправно, так что всё в норме...

– Ничего не в норме, – так же спокойно отозвался шеф. – Поднимите цену в десять раз. А ещё лучше – в пятнадцать. Это ведь не просто барахольщик, а почти уже ларёчник. А там цены совсем другие. Так что вы, пацаны, растётё. Скоро ларёчников будете трясти.

Ребята дружно поморщились. Обещание прозвучало как-то фальшиво.

С народным умельцем сразу же начались проблемы. Сначала он заявил, что таких денег у него нет, потом на несколько дней куда-то пропал вместе со своим самопальным ларьком, затем, появившись, пригрозил милицией, которая нарисуеться, как он сказал, стоит ему только позвонить, ибо всё уже договорено.

Ребята отошли в сторону посоветоваться.

– Володь, чё будем делать?

Тот почесал бритый затылок:

– Босс сказал проследить за ним, ведь мы даже не знаем, где он живёт. А там будет видно.

Но чуть позже видно не стало, всё ещё больше запуталось. Клиент не поехал домой, как это было всегда, чуть попетлял по городу, добрался до Невского, вырулил на Садовую, а с Садовой повернул на Московский проспект.

– В Пулково? – Удивился Сергей. – Эх, как его цепануло.

– Думаешь, это мы так его напугали?

Тот пожал плечами:

– Из-за пяти сотен баксов? Скорее всего, у него какие-то свои дела появились.

Впрочем, на очередной развилке Умелец повернул не на Пулковское шоссе, а на Московское, и разговоры про аэропорт сами собой увяли.

Машина клиента шла прямо, словно самолёт по взлётной полосе, и вскоре братки заволновались: покидать пределы Питера в их планы не входило.

Чем больше проходило времени, тем больше они понимали, что мужик из киоска рванул ни в какой-нибудь пригородный посёлок, и даже не в район Ленинградской области, а гораздо дальше, может быть даже в саму Москву.

Когда стемнело, мнения братков разделились: Вовчик стоял на том, что нужно отловить Умельца и стребовать бабки. Серый же считал, что не стоит совершать лишние телодвижения без благословения шефа.

На самом деле он опасался, что его соратник наделает глупостей. Несмотря на солидный стаж в криминальном бизнесе, как-то так всегда поворачивалось, что ни одно тяжкое преступление ребята до сих пор не совершили. Но более импульсивный Серый в любой момент мог сорваться и потерять над собой контроль. Вовчик считал своей обязанностью за ним присматривать. Пока это получалось.

Глава 6

Вовчик слегка задремал и очнулся только когда хлопнула дверца его машины.

– Всё в порядке? – Заспанным голосом спросил он.

– Ещё в каком. – Серый самодовольно хмыкнул, потирая озябшие руки. – Этот лох свою тачку не то, что на сигнализацию не поставил, он её даже не закрыл.

– Глупость должна быть наказана.

– Точняк.

Несколько минут прошло в полном молчании.

Серый вытащил из бардачка пульт от «жучка», покопался с настройкой и недовольно хмыкнул:

– В наших условиях километров на пять пробивать будет, но стоит Умельцу въехать в любой посёлок, вряд ли возьмёт больше двух километров. А прослушка будет адекватно тянуть на тысяче метров, ни сантиметром больше.

– Там и прослушка есть? – Удивился Вовчик. – Не только трекер сигнала?

– Так техника же навороченная, – самодовольно гыгыкнул Серый. – Я сначала хотел просто жучок взять, а мужик предложил два в одном всего на шесть тысяч больше. Ну, я и подумал – шесть штук – это не так-то уж и много, всего бутылка водки, а удобств – гораздо больше...

Вовчик поморщился:

– Только вряд ли нам эти удобства пригодятся. Умелец в машине один. Не будет же он разговаривать сам с собой.

– Может да. А может и нет. Кто знает...

Он будто что-то предчувствовал.

Из машины им было хорошо видна дверь кафе, освещённая фонарём.

Братки сидели, внимательно глядя в одном направлении. Они выбрали идеальную позицию: их машина была никому не видна, зато они всё видели очень даже хорошо.

Вскоре Вовчик снова начал клевать носом – он не один час просидел за рулём и утомился гораздо больше своего пассажира.

– Давай дежурить по очереди, – предложил Серый. – Ты часок покемарь...

Он не успел договорить: дверь открылась и из кафе вышли двое: высокий худощавый старик и низенький толстый мужичок.

– Это не наш, – успокоился браток и снова откинулся на спинку сиденья.

Серый расхохотался:

– Знаешь, кого мне напоминает эта парочка?

– Ну?

– А ты сам подумай. Это так очевидно!

– Хватит! – Разозлился Вовчик, который никогда не отличался особой эрудированностью. – Спать хочется до чёртиков, а ты мне тут шарады загадываешь!

– Дон Кихот и Санчо Панса.

– И кто это такие?

– Ты чё – не знаешь?!

Вовчик задумался:

– Ну, вроде в Бутово были такие авторитеты. Разве нет?

Средневековая компания, громко разговаривая, прошла по узенькой асфальтовой дорожке и исчезла за поворотом.

– Интересно, в какой тачке приехали эти чудилы? – Вслух задумался Серый. – Там, вроде, никаких машин больше не было...

Вовчик нахмурился. Он не любил всяких непоняток.

– Сначала спиногрызка, потом – эти двое, – сказал он. – Слишком много людей тут собралось. Не к добру это.

Из крохотных динамиков донеслось неразборчивое бормотание.

Серый резким движением напялил на голову наушники.

– Не вкурил, – тут же сказал он, резко меняясь в лице. – Ерунда какая-то... Что за фигня происходит в его тачке?!

– Чё там? – Вскинулся Вовчик.

– Whatever you may say, but travel never seduced me, – отозвался вдруг Серый не по-русски (Что ни говори, но путешествия меня никогда не прельщали)

– Чё-чё?

Серый не ответил.

Вскоре белый «форд», ослепительно светя фарами, вырулил со стоянки и, взревев двигателем, исчез в темноте шоссе.

Серый ещё минуту послушал, потом с преувеличенной аккуратностью снял с головы наушники и положил их на колени.

– Я лоханулся, – с глубокой скорбью в голосе сообщил он.

– Серый, ты меня пугаешь.

– Вовчик, ты только не волнуйся, но кажется, я посадил жучок в другую машину.

– Ты чего, белый «форд» не можешь отличить от другой тачки? – Вскипел Вовчик. – Или в этой глухомани белых «фордов» как собак нерезанных?!

– Выходит, что так.

Серый стукнул кулаком по лобовому стеклу:

– Блин! Блин!!

Это неконструктивное поведение продолжалось недолго. Вскоре браток с надеждой осведомился:

– Да и с чего ты вообще взял, что это не тачка Умельца? Может её угнали?!

– Там говорят по-английски... Да и вообще, не похожи эти ребята на угонщиков...

– А ты понимаешь, что они говорят?

– Понимаю!

Серый снова натянул наушники, послушал пару минут, и вдруг лицо его начало вытягиваться.

– Можем забрать «жучок», пока не поздно, – запинаясь, предложил Вовчик. – Эти лошары...

– Заткнись!!

Серый сглотнул слюну. Даже в самых аховых ситуациях его напарник был спокоен как сытый удав, сейчас же он рявкнул так, словно ненароком уселся на горячий утюг.

Минут пять Вовчик сидел неподвижно, лишь плотнее прижимая к голове наушники, наконец без предупреждения повернул ключ зажигания и нажал на педаль газа.

– Что такое? – Удивился Серый.

– Короче так, – отрывисто ответил браток. – Если я всё понял правильно, то очень скоро мы станем куда богаче нашего босса. Поехали за ними!

Глава 7

Дисциплинированно включив поворотники, хотя дорога была абсолютно пуста, Брайтон медленно вырулил на шоссе.

– Что ни говори, но путешествия меня никогда не прельщали, – сказал профессор. После сытного ужина его потянуло на философские рассуждения. – Что Египет, что Франция, что Россия – вокруг одно и то же. Дороги, поля, небо, песок... Только чего-то больше, чего-то меньше. Иногда не понимаю, что люди находят в путешествиях.

Он замолчал. Некоторое время в машине царила тишина, нарушаемая лишь уютным звуком мотора.

– Если бы не миллионы долларов, которые вы мне пообещали в конце нашей поездки, я бы с места не тронулся, – сообщил Брайтон. – Лучше уж сидеть в уютном кабинете, курить трубку...

– А Вы разве курите трубку?

– Это я образно! – Отмахнулся профессор и продолжил мысль. – ...курить трубку, пить кофе, гладить...

Какое именно животное предпочитал профессор – это осталось тайной за семью печатями, ибо слугитель музы Клио замолчал и, прищурившись, начал вглядываться в дорогу.

За мутными от дождя стёклами стало видно, что на обочине дороги стоит человек. Незнакомец поднял руку, голосуя совершенно интернациональным жестом. Когда машина подъехала ближе, то стало видно, что это ребёнок, даже, пожалуй, девочка.

– Такая маленькая и уже ездит автостопом? – Удивился Файшер.

Брайтон проехал чуть вперёд и притормозил.

Девочка вприпрыжку домчалась до машины.

– Приветик! – Запыхавшись от быстрого бега, сказала она, заглядывая в опущенное стекло. – А вы куда едете? Подбросите меня?

Её милovidное круглое личико, донельзя, насколько это было можно, покрытое веснушками, было совершенно мокрым от дождя, из-под розовой шапочки выбились локоны ослепительно-рыжих волос.

– What? (Что?) – Спросил профессор.

– What? – Эхом отозвался торговец антиквариатом.

Девочка мотнула головой:

– Я ничегошеньки не понимаю! Вы по-человечески можете сказать?

– I do not understand. – Сообщил Брайтон. – You speak English? (Я ничего не понимаю. Вы говорите по-английски?)

Девочка на минуту задумалась, потом, придя к каким-то своим выводам, кивнула.

– Да, само собой, как же без этого. Вы ведь иностранцы, да? Вот свезло мне!... В общем, мне нужно отсюда уехать. Не важно, куда, главное – отсюда. На этой дороге больше никто не останавливался, вы – первые, так что выбирать мне, как видите, не из чего.

Она решительно дёрнула на себя заднюю дверцу машины, та оказалась открытой, и скользнула в салон.

– Меня Даша зовут! – Сказала девочка, показав пальцем себе в грудь. – Можно – Дарья Витальевна. Так я даже немного удивлюсь, по отчеству меня ещё никто никогда не называл. А теперь – поехали!

И она хлопнула дверцей машины так громко, что британцы вздрогнули.

– Поехали! – Повторила девочка. – Если бы у вас была тачка с квадратными колёсами – тут у меня появились бы варианты – я бы чё-нибудь ещё подождала. А так: остановились –

будьте добры обслужить. Да и болтаю я с вами уже добрый час – что я, зря вам мозги столько времени полоскаю? Тачка большая – уместится.

Брайтон с каменным лицом слушал монолог.

– Как это понимать? – Наконец, холодно осведомился он.

– Поехали! – Кивнула девочка и спохватилась. – А, вы меня всё-таки не понимаете! Блин, как же с вами сложно... Ладно, попробую с вами, как с детсадовцами. Туда, – махнула она рукой. – Ту-ту! Вжик! Фьють! ... – Девочка сделала вид, что крутит руль. – Даже так не понимаете? Господи, как же вам объяснить, что я хочу просто поехать с вами?!

В машине повисло напряжённое молчание.

– Альберто! – Наконец, сказал Брайтон. – Выясни, что ей нужно!

– Как? – Встрепенулся антиквар.

– Откуда я знаю! Жестами или как-нибудь ещё!

Файшер пятернёй всклокочил свои и без того всклокоченные волосы.

– We do not speak Russian, – сказал он. – We do not understand words in your language at all. Understand? (Мы не говорим по-русски. Мы вообще не понимаем ни слова на твоём языке. Понимаешь?)

Даша на всякий случай улыбнулась и даже хотела помахать неожиданным спутникам рукой, но передумала.

– Она ничего не понимает, – сообщил Файшер и без того очевидную вещь.

Компаньоны приуныли, зато русская девочка вдруг оживилась и принялась что-то быстро говорить, активно жестикулируя руками.

За десять минут на Земле рождается 200 человек, издаётся 850 книг, изнашивается 280 пар обуви, а, если включить телевизор, то вровень за шестьсот секунд пройдёт один выпуск «Ну, погоди!». Даша потратила это время на то, чтобы объяснить гостям великороссийских просторов, что ей нужен русско-английский словарь, не важно, какой, большой, маленький, можно даже самый заваливающий.

В конце концов её усилия увенчались успехом.

Брайтон включил в салоне свет, девочка со скоростью машинки для счёта денег залистала страницы, быстро отыскала нужное слово и показала его англичанам, затем перелистала странички и ткнула пальцем во второе слово, вскоре отыскалось и третье, в заключении она нарисовала пальцем в воздухе большой знак вопроса.

КУДА ВЫ ЕХАТЬ?

Файшер оживился:

– We go to the city of Bryansk. (Мы направляемся в Брянск.)

– Уи гоу... ту ээ... сити, – запинаясь повторила Даша, – оф... Брайнск. И что это значит?

Более сообразительный Брайтон нашёл в конце словарика список географических названий и указал детям название города.

– Брянск? – Удивилась девочка. – Ничегошеньки себе! Чего это вы там забыли? Там же тайга – и ни одного человека вокруг! Говорят, там до сих пор партизаны не знают, что война закончилась и продолжают пускать электрички под откос. Вам это нужно? Впрочем, чего я спрашиваю, если вы туда едете, само собой, вам это нужно. В общем – хватит говорить, совсем я тут с вами заболталась. Поехали, я опаздываю! – И она откинулась на спинку сиденья.

Британцы привычно переглянулись.

– У меня появились подозрения, – сформулировал осторожный Брайтон. – Что она хочет поехать с нами.

– С чего это вдруг?! – Взвился Файшер. – Высаживайте её – и забудьте! У нас впереди множество дел!

– И ты способен высадить ночью посреди пустынного шоссе маленькую русскую девочку? Альберто, друг мой, я был о тебе лучшего мнения.

– Вы не понимаете, зачем мы едем! Мы едем за сокровищами. Вы понимаете?! За сок-ро-ви-ща-ми! За деньгами! За очень большими деньгами! Это дело на сотни миллионов долларов!

– Я бы на твоём месте помолчал. Ещё не понятно, на самом ли деле она не понимает наш язык.

– Вот! – Обрадовался Файшер. – О чём я и говорю!

Профессор задумался.

– И что вы собираетесь делать? – Наконец спросил Альберто.

Вместо ответа Брайтон нажал на педаль газа. Вспыхнув фарами, «форд» медленно тронулся с места.

Оказавшись в тепле, Даша тут же принялась клевать носом. Файшер под мерный шум мотора тоже начал дремать.

Брайтон крутил баранку руля. Точнее, он просто держал её в одном положении, лишь изредка корректируя курс: дорога была на редкость прямой. Спать, как это ни странно, совсем не хотелось.

Он поправил зеркало заднего обзора, чтобы лучше видеть неожиданную пассажирку. История её появления профессору сразу же не понравилась. Впрочем, здесь, в стране водки, медведей и балалаек можно было ожидать чего угодно, даже того, что в машину попросится совершенно незнакомый ребёнок с намерением куда-то поехать.

– Всё-таки Россия – очень необычная страна, – пробормотал Брайтон, опровергая свою же недавнюю сентенцию, что всё вокруг одинаково.

Он покосился в зеркало на мирно спящую девочку, лицо которой тонуло в капюшоне куртки. Происходящее было слишком необычным, чтобы не захотелось что-нибудь сделать.

Профессор откашлялся.

– Альберто, – сказал он, – я принял решение.

Даша что-то недовольно буркнула во сне.

– Какое решение? – Файшер, успевший задремать, вздрогнул и очнулся.

– Ты прав. Этот странный ребёнок не внушает мне особого доверия. Предлагаю девочку убрать.

Файшер протёр заспанные глаза:

– Наконец-то! Вы хотите высадить её из машины?

Даша проснулась и с интересом принялась прислушиваться к разговору. Брайтон это заметил, но всё равно заговорил чуть громче, чем того требовали обстоятельства.

– Мы поступим более радикально. Нам предстоит слишком серьёзное дело, чтобы оставлять за спиной человека, который появился непонятно откуда и с неизвестными намерениями.

– Я так и не могу сообразить: к чему вы клоните?

– Ножом по горлу – и в кусты, – жёстко бросил профессор. – Вряд ли её быстро отыщут.

Файшер промычал что-то невразумительное.

– Мы разом избавимся всех проблем.

– Мистер Брайтон! ... – Наконец смог прохрипеть Альберто

– Мы не знаем, кто эта девочка и что ей тут нужно, – мягким голосом продолжал убеждать Брайтон. – Вполне возможно, она появилась тут не случайно. У нас на кону стоят миллионы долларов. Я не готов жертвовать ими ради здоровья какого-то непонятного русского ребёнка. Короче, я сейчас приторможу и выведу её на улицу, чтобы не марать салон машины. У меня в правом кармане нож. Хороший, армейский, им очень удобно разделять шкуры животных. Твоё дело – сидеть на месте и не мешать мне – большего я от тебя не требую. Да и вряд ли ты мне сможешь помочь в этом деле. Оно требует определённого хладнокровия, чего у тебя, как я заметил, не наблюдается.

Машина притормозила, съехала на обочину и мягко остановилась.

– Что там ещё? – Недовольным голосом осведомилась со своего места пассажирка.

– Repair! (Ремонт!) – Объявил Брайтон и вышел из машины.

Хлопнувшая дверь автомобиля вывела антиквара из оцепенения.

Подпрыгнув на месте, он повернулся назад.

– Он тебя убьёт! Ты понимаешь? – С жаром и отчаянием принялся объяснять он будущей жертве. – Это псих!! Самый натуральный! Как я раньше этого не сообразил!!

Он так бурно жестикулировал, что девочка на всякий случай отодвинулась от него подальше.

– Ты только не подумай, что я с ним! – На смеси английского и иврита объяснял Альберто! – Мы – сами по себе! Вообще не понимаю, что на меня нашло, когда...

В зеркале заднего обзора мелькнула фигура Брайтона, который обходил автомобиль сзади.

Антиктвар взвыл от ужаса и начал дёргать дверцу со своей стороны, но та оказалась закрытой. Он даже не сообразил поднять кнопку стопора.

– Убирайся отсюда!! Немедленно!! – И тут же поменял план. – Нет, сиди тут!! Не выходи из машины!! Ни в коем случае!!

Когда Брайтон отворил заднюю дверцу, девочка вихрем вылетела наружу.

– По-моему, ваш друг тронулся, – заявила она профессору, – причём так, что его вряд ли можно догнать. С ним ничего такого раньше не было?

Брайтон нажал какую-то кнопку на пульте, и задняя часть машины медленно поднялась, закрывая от продавца антиквариата картину происходящих событий. Альберто ещё раз дёрнул дверь и обречённо затих.

– Офигеть! – Присвистнула девочка. – Крутотень! Никогда не видела, чтобы багажники так открывались. Раз – и вверх! Точнее, видела только один раз – в кино – но это не считается...

– Мне нужно, чтобы ты помогла мне кое-что тут настроить, – сказал профессор.

– Неужели до вас никак не дойдёт, что я вас не понимаю? – Кротко удивилась девочка. – Впрочем, и вы меня тоже. Как-то печально у нас всё выходит...

Даша всё-таки попыталась сообразить, что от неё требуется: подчиняясь указующему жесту профессора, она наклонилась и внимательно осмотрела более чем вместительный багажник, доверху набитый скарбом.

– И что я тут должна увидеть?

Профессор демонстративно опустил правую руку в карман и промолчал.

Девочка огорчённо покачал головой.

– Не понимаю, чего вы от меня хотите. Тут темно, как у дяди Тома в этой... как её... в хижине, – сообщила она результаты своих наблюдений и обернулась. – Дедуля, хоть ЭТО-ТО вы понимаете?

Свободной рукой Брайтон указал в какую-то, только ему известную точку:

– You need to press that button, and I will press this lever so far. (Вам нужно нажать на вот ту кнопочку, а я пока нажму на вот этот рычажок.)

Даша снова тщательно обследовала указанный сектор багажника. Потом приобрела вертикальное положение.

– Вы оба психи! – Сказала она. – Вот ведь угораздило меня с вами связаться! Если бы я не нагрела место на заднем сиденье – утопала бы сейчас в закат – только вы меня и видели.

Брайтон впервые улыбнулся, глядя на неё.

– Мы поедem дальше! – В его голосе послышалось явное облегчение. – Всё в порядке. Залезай на своё прежнее место!

Профессор гостеприимно распахнул дверцу машины.

Даша медлила.

– Может вы сначала... – замялась она, – того... психического изолируете? Я понимаю, что он ваш кореш и всякое такое, но он меня реально чуть не убил, пока вас там не было! Вы тоже, конечно, немного того, но хоть на людей не бросаетесь – и то ладно.

– Ты не хочешь ехать? – С некоторой надеждой уточнил Брайтон.

Несмотря на полное непонимание иностранной речи, девочка, словно что-то почувствовала и рыбкой нырнула в салон.

Она устроилась так, чтобы находится как можно дальше от сидящего на переднем сиденье Альберто. Даже в свете наддверного фонарика было видно, что лицо почтенного антиквара белее мела.

От Брайтона он шарахнулся словно монашка от разбойника.

– Всё в порядке, – как ни в чём ни бывало отрапортовал профессор, заводя двигатель. – Она не понимает по-английски ни слова.

– А убивать-то её зачем? – Едва смог просипеть Альберто. – И почему она до сих пор жива?

– Неужели ты не понял? – Расхохотался Брайтон. – Я её проверял! Просто-напросто проверял! Теперь я абсолютно уверен, что наш язык ей не знаком.

– Так Вы шутили? – Всё ещё не верил недоверчивый еврей.

– Можно сказать и так. Но вообще-то: проверял. Это будет точнее.

Файшер долго молчал, затем медленно качнул головой:

– Ну и шуточки у Вас!

– Иногда моё чувство юмора не совсем понятно окружающим, – сухо отозвался Брайтон. – Сам бы мог догадаться, что не в моём имидже носить с собой холодное оружие.

– Я не такой догадливый, чтобы на ходу разгадывать ваши шарады.

– Ладно, давай отложим ненужные разговоры. – Брайтон, придерживая руль повернулся к девочке. – Ну, маленькая мисс, давайте знакомиться! Альберто, возьми словарь и переводи!

Глава 8 (Питер-Москва)

После того, как дуэт кладоискателей превратился в трио, приключения продолжились.

Ранним утром, на границе Новгородской и Тверской областей лопнуло второе колесо. Брайтон едва удержал машину в пределах дороги. На починку ушло ещё сто долларов и четыре часа. Ни одно, ни другое настроения путникам не прибавило.

Москва встретила их хмурым небом и мелким нудным дождём.

Столичные улицы были грязны и многолюдны и напоминали один большой базар. Создавалось впечатление, что тут каждый человек или что-то покупал, или продавал. После интеллигентного Питера это создавало не самое лучшее впечатление.

– Москва! – Провозгласил Брайтон, глядя через закапанное водой лобовое стекло. Он как раз остановился на светофоре. – Ещё месяц назад я даже не мог себе представить, что когда-нибудь буду ехать по столице Российской империи.

– Империя – это когда у власти стоит император, – блеснул познаниями политологии Файшер, – а здесь – просто страна. И, насколько я знаю, даже не очень демократическая.

– Зато «империя» звучит солидно.

– Это точно.

– Вы бы включили... эти... как их... палочки, которые воду вытирают.

– Это называются «дворники». Только у нас они не работают.

Антиквар вздохнул.

– Эх, лучше бы мы купили новую машину – дешевле бы обошлось.

Профессор пожал плечами:

– Может быть...

Что же касается Даши, то за прошедшие два дня она вполне освоилась с окружающей обстановкой и чувствовала себя в салоне машины вольготно и уютно, словно у себя дома. Всё заднее сидение, широкое и просторное, она отвела под свои нужды; там она сидела, лежала, кушала, смотрела в окно, пару раз даже пробовала что-то напевать.

Взрослая часть путешественников теснилась в передней части машины. Сыны туманного Альбиона уже смирились с присутствием в машине русского ребёнка и воспринимали его как что-то неизбежное, вроде дождя или землетрясения. Англичане даже перестали спорить, откуда появилась девочка и что она собирается делать дальше: те небольшие сведения, которые им удалось выудить из новой попутчицы, доверия не внушали.

Особенного беспокойства Даша не доставляла: за два дня, которые она провела в машине, девочка только и делала, что ела чипсы, пила лимонад, дремала или смотрела в окно. Брайтон старательно не замечал её; наверное, он уже раскисался, что однажды дал слабину и пустил этого ребёнка в свою машину.

Когда за стеклом замелькали городские пейзажи, все оживились.

Британские подданные как-то не учли, что в субботний день отыскать в Москве стоянку для машины на всю ночь несколько затруднительно. На платных же парковках напрочь отказывались признать тот факт, что в охраняемой машине будут спать люди.

– Переночуем в гостинице, – наконец решил профессор. – За несколько последних дней я понял, что автомобили не очень приспособлены для того, чтобы в них спали три человека. Тем более, ты, Альберто, жутко храпишь.

– Я? Храплю? – Обиделся торговец древностями. – Да ни в коем случае!

Впрочем, эту тему он развивать не стал.

В холл здания с вывеской «HOTEL» ввалились всей толпой. Оказавшись после мрачной промозглой ночи в большом светлом помещении с зеркальными стенами, Даша замешкалась и даже отступила на шаг.

– Куда это мы? – Прошептала она, с сомнением посмотрела на сверкающие полы, потом – на свои грязные сандалии и помрачнела. – Мне как-то спокойнее в машине переночевать. Может пойдёмте отсюда, а?

Само собой, её никто не понял

– Нам нужна одна большая комната. На всех, – сказал Брайтон человеку за стойкой.

– Вы говорите по-английски? – Зачем-то уточнил тот.

– Милейший, я ещё не сказал ни одного русского слова. Зачем задавать вопросы, ответы на которые и так очевидны?

Узнав стоимость проживания, профессор тихонько выругался, его взгляд остекленел, и он некоторое время беззвучно шевелил губами, затем горестным голосом поведал результаты своих вычислений:

– При нынешних темпах расходов всех наших денег нам хватит вровень на десять дней. А если учесть, что некоторая сумма должна быть потрачена на обратную дорогу... – он не договорил.

– Москва – один из самых дорогих городов в мире, – отбарабанил Файшер.

Он от корки до корки прочёл путеводитель для иностранцев и теперь считал себя знатоком российских реалий. Некоторые факты он придумывал на ходу и сам же в них безоговорочно верил.

– Будем надеяться, что проживание в провинции окажется хоть чуточку дешевле, – вздохнул Брайтон, доставая кошелёк.

Увидев, как он отсчитывает сто долларовые купюры, Даша оживилась:

– Нефига себе! А я тут распереживалась... За такие деньжищи здешние аборигены нам ещё и туфли должны вылизывать!

Десять минут назад, выпрыгивая из машины, она приводнилась в самый центр грязнущей лужи, заляпалась с головы до ног, и чистота обуви стала для неё какой-то навязчивой идеей.

Сам номер на английских друзей не произвел особенного впечатления; по европейским стандартам он был самым среднестатистическим из всех возможных, но девочка в замешательстве замерла на пороге, разглядывая открывшееся великолепие: три больших кровати, телевизор, диван, торшер, пара кресел, встроенные стенные шкафы, дверь в душ...

Даша лишь через минуту обрела дар речи.

– Вау! – Прошептала она. – Красиво жить не запретишь...

Пока Брайтон и Файшер рылись в чемоданах, отыскивая нужные им хозяйственные мелочи, девочка вскарабкалась на самую большую из трёх кроватей, попрыгала, проверяя пружины, и сверху провозгласила:

– Себе лежанку на ночь я нашла. Вы, господа хорошие, теперь разбирайтесь между собой, а на мою кровать даже и не смотрите!

Англичане коротко переглянулись.

– Я все чаще и чаще начинаю испытывать неудобство от наличия у нас маленькой спутницы, – наконец сформулировал вежливый Брайтон. – И это ещё хорошо, что здесь такая гостиница, где документов не спрашивают. Иначе у здешних властей были бы все основания заподозрить нас в киднеппинге. Мы ведь не знаем даже фамилию этого ребёнка!

Файшер перекинул через плечо полотенце и убрёл в душ. Он уже потерял всякую надежду избавиться от надоедливого чада.

Глава 9 (Брянск)

От Москвы до Брянска удалось добраться быстро и без особенных происшествий. Погода была хорошей, дорога – тоже более-менее сносной. Выехав утром из столицы, вечером кладовискатели уже въезжали в Брянск.

– Искать гостиницу смысла нет, – решил Брайтон. – Переночуем в машине.

«Форд» удалось втиснуть между длинномерным фургоном «Совтрансавто» и бетонным забором пригородной промзоны, вдоль которого робко, словно редкие зубы в старческом рту, торчали чахлые деревца. В сотне метров впереди виднелось монументальное сооружение из каменных букв, которые все вместе составляли слово «БРЯНСК». Высота конструкции едва ли была меньше пяти-шести метров.

Все уже уснули, а Брайтон опершись руками на руль, разглядывал буквы, темнеющие на фоне закатного неба. Каждая была высотой метров пять, не меньше.

Профессор дивился русской гигантомании. Даже в Америке – богатейшей державе на свете, никто бы не додумался обозначать въезд в областной город чем-нибудь кроме простенькой таблички с названием населённого пункта. Есть там, конечно, национальная достопримечательность – «HOLLYWOOD». Но на то она и национальная знаменитость, чтобы на неё глазели туристы со всего мира.

Буквы же на въезде в Брянск, хотя и гораздо меньшие по размеру, но всё равно были весьма крупными. Однако никакого интереса у жителей и гостей города не вызывали: машины, мягко шурша по асфальту шинами и разбрызгивая мелкую водяную пыль, не задерживаясь, проносились мимо.

Стараясь не хлопнуть дверью, профессор выбрался из автомобиля, потянулся, разминая затёкшие члены, и закурил. Курил он очень редко и то большей частью тогда, когда нечего было делать; вот, примерно, как сейчас.

Небольшой дождик был почти не заметен.

Он выпустил в темноту клуб дыма.

Ребёнок, проклятый ребёнок! Откуда он свалился на их бедные британские головы?! Первые несколько часов после знакомства с ними он надеялся, что девочка попросит притормозить на ближайшем перекрёстке, а потом тихо-мирно уйдёт по своим делам. Чем больше проходило времени, тем слабее становилась эта уверенность.

Когда путешественники прибыли в Москву, стало понятно, что Даша никуда не собирается исчезать. Более того: она настолько освоилась, что стала считать салон «форда», точнее, заднюю его половину, чем-то вроде своего второго дома. Хотя, почему – второго? А был ли у неё первый? Может быть она банально сбежала от своих родителей, а те теперь её разыскивают?

Брайтон оправдывал своё бездействие языковым барьером, перелезть через который в некоторых случаях становилось весьма затруднительно, даже если в качестве трамплина использовать спину Альберто. Файшер не расставался со словарём и пытался, насколько это было возможно, быть полезным своему компаньону.

У него это получалось с переменным успехом. Посредством многочасовых усилий удалось узнать, что девочку зовут Даша, её никто нигде искать не будет, поэтому она может путешествовать где ей вздумается без всяких проблем, и у самой себя, и у тех, кто решится её помогать.

Насколько далеко она едет – об этом она и сами толком не знала.

«Там видно будет», – отмахнулась девочка, и Альберто дословно перевёл. Где именно – «там» – этого никто не понял, а последующие расспросы ни к чему не привели.

Мимо, обдав профессора грязными брызгами с головы до ног, промчалась очередная машина. Брайтон бросил под ноги намокшую сигарету и тихонько выругался. Пока он курил, стемнело окончательно, и теперь даже буквы с названием города, которыми он любовался несколько минут назад, почти слились с ночным небом.

И тут Брайтон почувствовал что-то неладное. Через секунду он понял, в чём дело. Машина, которая только что проехала мимо, вдруг остановилась поодаль, в полусотне метров впереди, звук её двигателя смолк. Профессор нахмурился и замер.

В голове зароились множество негативных мыслей. В том автомобиле мог быть кто угодно: от вполне мирных обывателей, которые тоже почему-то решили переночевать на подъездах к областному центру, до заурядных дорожных бандитов, увидевших остановившуюся иномарку и решившие поживиться чем Бог послал.

Почему его так насторожила эта машина – этого Брайтон, пожалуй, не смог бы объяснить даже под дулом пистолета. У него в голове нарисовалось два варианта своих действий. Первый – совсем идиотский – подойти к этим джентльменам и вежливо поинтересоваться, всё ли у них в порядке. И второй: сесть в свою машину и проехать пару километров, отыскать просёлочную дорогу – и там, в стороне от большой трассы, переждать ночь.

Пока профессор раздумывал, ситуация разрешилась сама собой. Незвестная машина, ни марки, ни цвета которой он не успел заметить, вспыхнула габаритными огнями и тихо поехала вперёд. Вскоре она исчезла из поля зрения.

С кривой улыбкой, не понятно, к чему относящейся, Брайтон уселся на своё место, привычно откинулся на спинку кресла, и вскоре уже крепко спал, чуть приоткрыв рот и слегка похрапывая.

Короткое ночное происшествие на въезде в Брянск было напрочь забыто.

Следующий день начался более чем удачно.

Не прошло и нескольких часов, компаньонам-кладоискателям удалось отыскать центральную городскую библиотеку. Громадное здание бедно-жёлтого цвета вольготно раскинулось сразу по двум улицам в виде громадной русской буквы «Г». Пожилая сотрудница, взяв за услуги символическую плату и коротко переговорив с друзьями на сносном английском, за четверть часа развила бурную деятельность, в результате которой отыскала потрёпанную книжицу по истории Дятьковского района.

– Перечисленные вами населённые пункты находятся в Дятьковском районе, – сообщила она. – который в свою очередь граничит с нашим городом. Так что если Вы туда поедете, то сможете добраться довольно быстро, максимум – за час.

– И где всё это? – Тут же уточнил профессор. – На какой-нибудь карте сможете показать?

– Сейчас я на ксероксе сделаю копию атласа. Это будет стоить..., – она назвала цену, и Брайтон, распорядившись деньгами, послушно полез в карман за кошельком.

Через четверть часа партнёры по поиску сокровищ сидели в своей машине. Брайтон держал в руке альбомный лист с отскерокопированной картой окрестностей Брянска.

– Всего час – и мы у цели! – Бесхитростно радовался Файшер. – Видите, как всё удачно складывается! А вы не верили в успех нашего... гм... предприятия.

– Я и до сих пор не очень в это верю, – отозвался профессор. – Как видите, места здесь довольно людные. Брянск – не такой-то уж крохотный городок, как мы предполагали в самом начале. Тут и без нас могли найтись предприимчивые люди.

– Но ведь сокровища не здесь, они...

– Тихо! – Зашипел Брайтон и оглянулся на Дашу, которая скучала на заднем сиденье. – Не нужно говорить этого слова. Девочка уже три дня листает словарь. Вполне возможно, она что-нибудь выучила.

– Вряд ли она успела добраться до буквы «g». (gold – сокровища, богатство)

– Лучше не рисковать.

Отъехав от библиотеки, машина медленно тронулась по широкой Брянской улице. Файшер сначала пытался разобраться в карте города, которую они ещё утром купили в киоске с газетами и даже весьма бодро начал показывать дорогу, но после того, как они заехали в какой-то овраг, Брайтон взял управление в свои руки. Ориентируясь только по солнцу, он довольно быстро вывел автомобиль за пределы города.

– Я вам вот что скажу, мистер Брайтон, – зашептал Файшер, наклоняясь к уху соратника. – Этот ребёнок – не такой простой, как вы думаете.

– Это почему же? – Сухо осведомился профессор.

– Вы думаете, она случайно попала именно в нашу машину?

– Думаю – да. Мы же сами её взяли.

– Вы не понимаете. Я тут вот подумал и понял: всё и шло именно к тому, чтобы мы взяли её с собой...

– Ты говоришь полнейшую ерунду! Откуда ей было знать, что мы едем по той дороге? Да и маленькая она ещё! Вообще: если ты в самом деле думал над нашей ситуацией, то в первую очередь должен ответить сам себе на простенький вопрос: кто тут вообще в курсе, зачем мы приехали в Россию?

– Хороший вопрос, – кисло усмехнулся Файшер.

Всю оставшуюся дорогу они молчали.

Оказавшись на месте, англичане поняли, что всё выходит не так просто, как казалось в самом начале. Город Фокино раскинулся по левую сторону реки с уже знакомым названием Болва, которую они сразу взяли за ориентир. Шибенец – тоже город, только гораздо меньше по размеру, находился на правом берегу. Место же, указанное на карте, находилось как раз между этими двумя населёнными пунктами.

– Фокино – это, похоже, не совсем то, что нам нужно, – сказал Брайтон, попетляв на «форде» по узким грязным улочкам. За неполный час белая машина превратилась в серую, стёкла покрылись белесой плёнкой цементной пыли. Выезда к реке как такового не было: на пространстве между городом и рекой громоздились горы строительного мусора и тени каких-то недостроенных бетонных строений. Это здорово напоминало постапокалиптический пейзаж из какого-нибудь голливудского фильма.

Профессор выехал из города по той же дороге, по которой заезжал в него, и медленно поехал обратно в сторону Брянска.

Он притормозил около небольшого моста. Внизу было болото. С левой стороны виднелся небольшой перелесок, с правой – ровными рядами стояли металлические коробки гаражей. Профессор вышел из машины, позвал за собой Файшера, и теперь они разговаривали, стоя на обочине, на некотором отдалении от автомобиля. На горизонте мощно дымили трубы цементного завода.

– Цементный завод – градообразующее предприятие города Фокино, – заметил антиквариат.

– Ты прямо ходячая энциклопедия, – усмехнулся Брайтон.

– Я умный, – скромно заметил антиквар.

– Знак орла находится как раз между двумя здешними городами, но на правом берегу, так что предлагаю обследовать правый берег. Что ты об этом думаешь?

Файшер встал в позу Наполеона, обзревающего окрестности Москвы, подумал, сделал совсем уж харизматичное лицо и этим живо напомнил начитанному археологу Воланда на крыше иерусалимского храма:

– Я думаю, нам стоит это попробовать, а если там ничего не сможем отыскать, тогда...

– Договорились, – Брайтон отвернулся, чтобы скрыть усмешку.

Его веселье объяснялось просто. Стоило только антиквару услышать от своего компаньона какой-нибудь вопрос, тот тут же воображал, что имеет реальные 50 процентов акций

и поэтому может принимать какие-то решения; тогда он раздувался от гордости и строил весьма значительные мины, и это здорово развлекало профессора.

Даша из окна машины внимательно следила за ними; чтобы было лучше видно, она даже чуть опустила стекло, благо этому девочка научилась в первый же день. Ей становилось понятно, что путешествие приближается к концу.

Глава 10 (Брянщина)

Ветер приподнял и медленно опустил лёгкие тюлевые занавески. Голубь обратил внимание на это неожиданное движение и встревоженно повернул голову, потом встряхнулся и продолжил свой путь по металлическому карнизу. Цоканье его лапок раздавалось ритмично и звонко. Оно было назойливым, словно комариное жужжание.

Алиса склонилась над книгой и сдула упавшую на щёку прядь русых волос.

Девочка сидела на кухне. На столе перед ней лежали две раскрытые тетради и небольшая брошюра на английском языке «Справочник по грамматике русского языка»

– Я бегу, ты бежишь..., – прошептала Алиса, досадливо поморщилась и тут же поправилась, – то есть, бежишь. Они бегут..., – она озадаченно погладила подбородок, – или «бегут»? ... I don't know how to remember it! (Не представляю, как всё это запомнить!)

Алиса захлопнула книгу и с тоской уставилась в окно. Летние каникулы в России ей представлялись более интересными.

Девочка снова опустила глаза в книгу и забормотала:

– Я бегу, ты бежишь, он бежит... или бежит?... Что за дурацкое слово! – Последняя фраза тоже прозвучала на русском языке.

С глаголом «бежать» у Алисы не складывались отношения с самого начала. Он имел множество форм, настолько отличных друг от друга, что они не могли уместиться в бедной англоязычной голове. Девочка была убеждена, что среди всех неправильных глаголов русского языка этот, пожалуй, был самым неправильным.

Со стороны окна послышалось тихое басовитое жужжание. Алиса бросила туда взгляд и испуганно замерла. В окно медленно и торжественно, словно самолёт во время парада, влетал большой шмель.

Насекомых и всяких членистоногих Алиса не очень любила. Точнее – очень не любила. Можно даже сказать больше – на дух не переносила. А если уж совсем честно – жутко их боялась. В медицине это называлось красивым словом арахнофобия. Алиса осознавала, что это, как ни крути, диагноз и такая фобия – не совсем нормальное свойство психики, однако поделаться с собой ничего не могла.

Шмель сделал круг над абажуром, чуть рыская из стороны в сторону, из-за чего ещё больше стал очень похож на сильно перегруженный бомбардировщик, наконец уселся на самый верх шторы.

Алиса вздохнула и захлопнула книгу. Всё складывалось против того, чтобы можно было всерьёз заняться учёбой. Чудесное солнечное утро, визги довольных ребятишек за окном, пряный запах молодой весенней листвы, доносимый ветром – и – одна из самых сложных тем в русском языке – спряжение неправильных глаголов.

А залетевшее на кухню насекомое оказалось последней каплей.

– У меня нет практики, – сама себе сказала Алиса, глядя на закрытую брошюру. – А то, что я делаю здесь... этим я вполне могла бы заниматься у себя дома.

За два дня, что девочка провела в этой квартире, ей опротивело всё, что тут было, любые детали обстановки; даже цвет обоев – и тот внушал стойкое отвращение. Да что говорить про обои – в этом доме даже нормальных книг не было, только развлекательные журналы и толстые справочники по бухгалтерскому учёту!

На улице тоже как-то не складывалось: малыши сбивались в стайки и были заняты своими малышачьими делами, а к сверстникам Алиса подходить не решалась. Во-первых, стеснялась, а во-вторых, все как один – и мальчишки, и девчонки – не вызывали особенного доверия и вровень подходили под те критерии «плохой компании», которые Алиса обозначила сама для себя. Хотя, вполне возможно, утешала она себя, нужные люди пока ещё ей не встретились.

В первый же день после своего приезда Алиса за полчаса обошла весь посёлок, вернулась домой и решила, что бродить по улицам просто так, без всякой цели, слишком глупо. Да и приключений на свою голову можно было отыскать проще простого, не прикладывая к этому никаких усилий.

Алиса уединилась в квартире и принялась за учёбу, но и это ей быстро наскучило – двух дней хватило за глаза. Неужели она приехала в Россию для того, чтобы сидеть на чужой кухне и пялиться в учебники?!

Нужно было придумать для себя хоть какое-нибудь занятие.

Некоторое время девочка бродила по маленькой кухне, слегка пиная из угла в угол крохотный пёстрый половичок и время от времени поднимая глаза к потолку, где на абажуре продолжал деловито ползать шмель. Дома всегда находились какие-нибудь дела, и Алиса никогда не задумывалась, чем можно заняться. Здесь же, в чужой квартире, среди незнакомых вещей, без подруг, без родителей, без привычного с детства окружения, она чувствовала себя очень неудобно.

«Пойду прогуляюсь, – решила она. – Тут, говорят, есть санаторий – место для отдыха людей. Хоть посмотрю, что это такое. Не могу я больше тут сидеть!»

Собралась она быстро – шорты, футболка и панاما с большим козырьком. Не прошло и пяти минут, Алиса уже выходила на улицу.

Ясное тёплое утро уже перешло в жаркий день. Яркое предполуденное солнце заливало улицу каскадами яркого света, по асфальтным дорожкам носились малыши, ребята постарше гоняли на велосипедах. Маленький провинциальный городок жил своей обычной жизнью.

На лавочке перед подъездом, как всегда, сидели бабушки.

Алиса вежливо поздоровалась. Старушки воззрились на неё с неподдельным интересом. Все предыдущие дни они во все глаза разглядывали нового ребёнка, который неожиданно появился в их доме, но заговорить пока не решались.

Куда идти дальше, Алиса пока ещё не решила, поэтому чуть замешкалась. Одна из старушек, самая любопытная, оживилась:

– Внученька, ты чья будешь?

– Я? – Растерялась девочка, лихорадочно пытаюсь понять смысл вопроса. – Я – моя...
То есть – своя.

По изменившимся лицам старых леди она поняла, что сморозила что-то не то, и попробовала исправить ситуацию.

– Я живу в квартире шесть-один, у тёти Тани и дяди Миши. Я сюда на лето приехала по программе обмена, – скороговоркой объяснила Алиса и быстренько пошла прочь. Ей совсем не улыбалось во всех подробностях объяснять дотошным старушкам, каким образом она – жительница далёкого американского штата очутилась в провинциальном российском городке.

– Этим бабушкам скучно, – сама себе сказала Алиса, – вот они и сидят изо-дня в день на одном и том же месте и обсуждают всё происходящее вокруг.

Девочка подозревала, что теперь и она сама станет темой для пересудов и слухов, а этого ей не очень хотелось. С другой стороны, что этим старушкам ещё делать?

Даже нынешние родители Алисы (как она обозначала их сама для себя) – люди, в принципе, не самые бедные, сэкономили на всяких хозяйственных мелочах, а из еды покупали не самые лучшие продукты. Что уж говорить о престарелых людях, живущих на крохотное пособие, которое в английском обозначалось как *retirement pension*. Перед поездкой в Россию девочка, конечно, слышала, что экономика страны находится в кризисе, но она не представляла, что дела обстоят настолько плохо.

Эти сидящие у подъездов бабушки даже на еду вряд ли могли собрать достаточное количество средств, в отличие от своих зарубежных пенсионеров, которые и одевались не в пример

лучше, и в быту были достаточно обеспечены, а раз в год даже имели возможность бесплатно путешествовать в любую точку мира.

Задумавшись, Алиса дошла по тропинке до соседнего дома, завернула за угол и, подняв глаза, увидела, что оказалась на детской площадке. Она едва смогла вспомнить эту лингвистическую конструкцию. Помнится однажды её как-то здорово позабавило название русское выражение «детский сад», сразу возникали стойкие ассоциации с расхожим афоризмом про то, что дети – цветы жизни. А вот название «детская площадка» – это было что-то новое, в английском языке даже не было похожего понятия. Как-то само собой подразумевалось, что около любого детского учреждения должны иметься места, где малыши могут проводить свой досуг, но какого-либо особого слова для этого не было.

Детская площадка была в таком же упадке, как и экономика страны – в пределах, огороженном сеткой, находилась небольшая песочница, в которую домашние животные справляли свои естественные надобности, конструкция из металлических дуг в форме шара, высотой в два-три человеческих роста, металлическая горка, пригодная разве что для совсем крохотных детей, трое качелей, из которых в более-менее сносном состоянии были только одни, дуги и седушки остальных переломала и согнула под совершенно немыслимыми углами какая-то нечеловеческая сила; толстые дуги, толщиной с большой палец руки, можно было согнуть разве что трактором.

Единственные целые качели были заняты. На них, погружённая в чтение, медленно раскачивалась девочка, во возрасту едва ли старше самой Алисы, скорее младше года на два-три. Её светлые волосы опускались чуть ниже плеч, незнакомка была одета в светлую футболку и длинные, до колен, шорты. Она была полностью занята чтением толстого тома и не замечала ничего вокруг. Впрочем, замечать-то особенно было нечего: больше на площадке никого не было.

Алису заинтересовало такое поведение. Она не видела, чтобы здесь, в посёлке, кто-то из молодёжи занимался таким интеллектуальным занятием как чтение, тем более на улице. Да и том в руках незнакомой девочки одними своими размерами внушал невольное почтение.

Алиса подошла ближе. Девочка продолжала читать.

– Привет!

Девочка вздрогнула и подняла глаза.

– Здравствуй... – и, запнувшись, добавила, – те.

– Ко мне можно обращаться на «ты».

– Ко мне тоже, – улыбнулась девочка. Лицо у неё, как не без зависти отметила Алиса, довольно симпатичное, а от улыбки на щеках появились две аккуратненькие ямочки.

– Что-то я тебя раньше здесь не видел, – отметила девочка. – Ты кто?

– Я в том доме живу, – махнула рукой Алиса, показывая в сторону ближайшей пятиэтажки.

Девочка улыбнулась:

– Я тоже. Странно, что мы друг друга не знаем. Ты, наверное, недавно переехала?

– Можно сказать и таким образом. Я приехала из Америки и буду тут жить до окончания летнего сезона.

Девочка уронила книгу и сама чуть не грохнулась с качелей в траву вслед за ней:

– Что – правда?! – Вскрикнула она.

– Правда.

Первое удивление прошло. Девочка соскочила с качелей и принялась вытирать обложку книги.

– То-то я думаю, что ты очень странно говоришь, – заметила она.

– У меня есть сильный акцент?

– И это тоже. Да и вообще..., – незнакомка поморщилась, – «летнего сезона». Так обычно не говорят.

– А как говорят?

– «До окончания каникул». Или «До конца лета».

– Но я же всё правильно сказала? – Не поняла Алиса.

Девочка снова запрыгнула на качели и принялась объяснять, чуть покачиваясь вперёд-назад:

– Если литературный язык, а есть разговорный. И они немножко отличаются.

– Ты говоришь правильно. Мы это были проходить в школе.

– Просто – «проходили».

– Я постараюсь запомнить этот факт. Только вот с точки зрения теории русского языка прошедшее время глаголов образуются не только простым способом, с помощью суффикса «л», но и сложным, когда к глаголу прибавляется другой глагол – «быть». Странно, что тебе это не известно.

Девочка захлопала глазами:

– Ну, ты и загнула!

– Кого? – Удивила Алиса. – Я ничего никуда не нагибала!

– Ладно, проехали! – Отмахнулась незнакомка. – Говорить надо на обычном языке. А ты говоришь слишком правильно..., – и хмыкнула, – ...с какой-то стороны.

– В классе по русскому языку у меня были самые лучшие отметки.

– А вообще ты английский знаешь, да?

– Я не могу его не знать, это мой родной язык.

– А, ну да... Кстати, меня зовут Данила. Воскресенский. Я тоже живу в твоём доме.

– Данила – красивое имя. Я таковых ещё не слышала.

– Что – вообще?

– Да.

– Странно. Сейчас мальчиков часто так называют.

– Так ты мальчик?! – Удивилась Алиса.

– Меня все за девочку принимают! – Обиженно сказал Данила. – И ты туда же!

– А волосы не пробовал стричь?

– Не хочу! Мне так идёт! – Он тряхнул головой.

– Да, идёт, – была вынуждена признать Алиса. – Ещё как идёт!

Мальчик почувствовал себя неудобно, поэтому предпочёл перевести разговор на другую тему:

– Так ты говоришь, из Америки приехала? И как ты сюда попала?

– Существует такая программа по обмену детьми. Я выиграла школьный конкурс на знание русского языка и на лето приехала в Россию, а другая девочка отсюда отправилась ко мне. Я до конца августа имею проживание здесь, в русской семье, а она – у меня, а потом мы меняемся обратно.

– Поменяемся, – поправил Данька. – Правильно говорить – «поменяемся».

– Спасибо. Ты исправляй меня, если заметишь, что я не так говорю. Я за лето хочу иметь много практики в вашем языке, чтобы знать его в совершенстве. Я хочу после школы поступить на переводчицу.

– Да ты и так неплохо по-русски говоришь, – ободрил её новый знакомый. – Если бы не акцент, я бы вообще подумал, что ты русская.

– Спасибо на добром предложении.

– На добром предложении? – Удивился Данила. – Вообще-то говорят «на добром слове».

– Но ты же предложение сказал?

– Ну, да, – задумался мальчик. – Я и сам не знаю, почему так говорят. Но правильно всё-таки «на добром слове».

– Я постараюсь это запомнить, – снова улыбнулась Алиса.

– Кстати, а тебя-то как зовут?

– Элис.

– Элис? – Удивился тот.

– Ну, да. По-вашему – Алиса.

– А-а, – успокоился мальчик, – Алиса – это нормально. Совсем русское имя. Ты в каком доме живёшь?

– В том! – Алиса снова показала на пятиэтажку.

– Здорово! И я там! А в какой квартире?

– В квартире шестьдесят первая.

– Шестьдесят первая? – Задумался Данька и оживился. – А, знаю! Там Лариска живёт! И Катька – младшая, – но её сейчас на всё лето в деревню увезли. А Лариска просто куда-то пропала. Так она значит, сейчас в Америке? Ты С НЕЙ поменялась?

– Да, с ней. Сейчас пребывать в городе Хоултон, штат Мэн. Я там проживаю.

– Понятно. – Данька помолчал. – А чем ты занимаешься?

– Здесь или вообще?

– И здесь, – мальчик замялся, – и вообще.

– Вообще – я просто живу, ничем таким особенным не занимаюсь, – пожала плечами Алиса. – Русский язык учу, он мне очень нравится. Классику вашу люблю читать. И вообще, всё, что интересно. А ты любить читать?

– Люблю. – Данька хлопнул рукой по обложке книги. – Только не классику. Фантастику. И приключения всякие. Они интереснее, чем классика.

– Это очень хорошо. А здесь я вообще ничем не занимаюсь. Просто так ходить по улице – скучно, и местности я совсем не знаю. Вчера вообще чуть не заблудилась. А потом целый день просидела дома, чтобы читать книги. Только книг там совсем есть мало. У тебя нет чего-нибудь интересного?

– Идея! – Оживился Данька. – Я как раз собираюсь в библиотеку. Пошли вместе? – Предложил он.

Алиса заулыбалась:

– Если я с тобой пойду, то мы с тобой будем друзья, да?

– Мы с тобой вроде как уже друзья. Или у вас в Америке всё по-другому?

– У нас всё совсем по-другому. – И соскочила с качелей на землю. – Вперёд – и с рок-музыкой! Так у вас говорят? – С беспокойством осведомилась девочка.

– Просто – «с музыкой». Точнее, «с песней».

– Я выучила много русских пословиц и поговорок, но иногда путаю слова. Но ведь ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Значит всё в порядке, – успокоилась Алиса. – Что мы сейчас будем делать?

– Сначала зайдём ко мне домой, мне нужно книги взять.

– Пойдём!

Данила жил в соседнем подъезде. Там тоже сидели бабушки. Они с таким же интересом воззрились на проходящих мимо детей.

– У них такой вид, словно они хотят меня спросить «Внученька, ты чья такая будешь?» – Шепнула Алиса.

Данила фыркнул:

– Ты-то откуда знаешь? – Он аккуратно прикрыл дверь подъезда, отсекая лишние уши.

– Со мной было то же самое половину часа назад.

- Полчаса, – поправил мальчик. – Эти старые бабушки на редкость предсказуемы.
- Я считать, что «старые бабушки» – это тавтология.

Данька даже споткнулся:

- Ты откуда такие слова знаешь?
- Какие?

– Ну, это... «тавтология». Даже я не знаю, что это такое.

– Это значит «избыточное сравнение». К примеру, то же самое, как если говорить «масло масляное». Или «асфальтный асфальт». Или «мокрая вода». А в вашем языке разве такое слово отсутствует?

– Нет, конечно, оно есть. Просто я его ещё не встречал.

– Cool! (Классно!) Значит, я некоторые слова русского языка знаю лучше, чем ты!

Мальчик заметно помрачнел:

– Получается, что так.

Мало того, что они жили в соседних подъездах одного дома, у них ещё и квартиры оказались на одном этаже – на втором. Да и планировка их, как поняла Алиса через несколько минут, абсолютно идентична.

– Проходи, не стесняйся! – Данила повернул ключ в замке и прошёл вперёд, оставив дверь открытой.

– Я не стесняюсь. – Маленькая американка сделала шаг вперёд и напрягла слух, пытаясь различить, есть ли кто-нибудь в квартире. – Ты здесь есть один?

– С тобой, – логично ответила Данила.

– А где твои родители?

– На работе.

В тесной прихожей мальчик сбросил туфли и босиком протопал в комнату.

– Мои тоже на работе, – в спину ему сказала Алиса. – Не представляю, как здесь живут дети – их родители постоянно на работе.

– Почему же постоянно? – Донёсся голос мальчика из дальней комнаты. – У них выходные бывают. И отпуска. А у вас что, как-то по-другому? У вас взрослые меньше работают?

– Они не так рано уходят на работу. И не так поздно возвращаются. И вообще, как мне показалось, у наших родителей имеется больше возможностей проводить время с детьми.

Данила появился в прихожей с солидной стопкой книг.

– Wow! – Тихонько удивилась Алиса. – Ты так много читаешь?

– Ну, да, – чуть смутился Данька, – мне нравится читать.

– Поэтому я с тобой и завязать дружеские отношения, – призналась маленькая американка.

– Это как?

– Я увидела, что ты читать книгу и сразу поняла, что ты умный и воспитанный. А с другими и не хочу начинать подружиться.

Мальчик, явно польщённый, заулыбался.

– Давай теперь ко мне домой зайдём, – сказала Алиса. – Мне ведь какие-нибудь документы понадобятся?

– Ну, если ты на всё лето хочешь записаться в библиотеку – тогда да.

Бабушки на скамейках перестали нервировать Алису – да и те, решив для себя, кто она такая, и сами в это поверив, перестали обращать на неё особенное внимание. Но через их строй она всё равно проскакивала словно нашкодивший котёнок мимо хозяев – пригибаясь, будто под обстрелом, вжав голову в плечи, чтобы быть как можно быстрее и незаметнее.

В отличии от Алисы, Данька застеснялся заходить в чужую квартиру, и ей стоило приложить много усилий, чтобы он хотя бы зашёл в прихожую.

– В настоящий момент ты ведёшь себя не очень обычно, – наконец, сформулировала Алиса. – Не желаешь заходить в данный дом. Почему ты так поступать?

– Да, ну, – отмахнулся Данила. – Как-то неловко, тут одни девчонки живут!

А про себя подумал, что вряд ли ему хватит целого лета, чтобы научить новую подругу говорить на нормальном русском языке. Ошибки в предлогах и окончаниях – это было не самое страшное, но слишком правильная речь – это была слишком критическая ошибка и вряд ли её можно было легко исправить. Как сформулировать, что Алиса говорит слишком правильно для русскоязычного человека? Слишком правильно и поэтому необычно.

И ещё он подумал, что летние каникулы начались позитивно: только вчера был последний день занятий, и всего за сутки каникул он успел познакомиться с американской девочкой. За все двенадцать лет его жизни с ним ничего подобного не случилось.

Глава 11

Посёлок городского типа Шибенец, как он был обозначен на карте, оказался не очень большим. В нём наличествовали три десятка пятиэтажек, в которых обитала основная масса жителей, несколько девятиэтажек на въезде в посёлок, пара магазинов, никаких официальных учреждений – и множество одноэтажных деревянных домов, окружённых небольшими садовыми участками. Эти кусочки земли были в полном беспорядке разбросаны по болотистой низменности вокруг посёлка на некотором отдалении от многоэтажных домов.

Весна в этом году выдалась поздней: несмотря на конец мая, в укромных местах белели пятна тёмного снега, а на деревьях только-только начинали появляться первые клейкие листочки.

Улицы заполняла малышня; ребятишки возились так оживлённо, словно это был первый ясный день после многонедельного ненастья. Вполне возможно, так оно и было.

Брайтон не без основания рассудил, что местная библиотека, какой бы маленькой она ни была, не может находиться в крохотном дачном домике, поэтому начал колесить среди пятиэтажек и, высовываясь из окна, задавал всем встречным вопрос, как можно добраться до муниципального архива или до городской библиотеки.

Его академический английский ни на кого не производил впечатления: здесь все говорили только по-русски.

Один молодой человек, правда, после некоторого раздумья спросил: «Ду ю спик инглиш?» и, когда воодушевлённые компаньоны заорали «Yes!», оказалось, что его знания английского ограничиваются одной этой фразой.

Часа через полтора Даше надоело любоваться однообразными видами из окна.
– Есть скоро будем? – Поинтересовалась она.

Брайтон не был полиглотом, но смысл отдельных фраз уже начал понимать. Тем не менее, обязанности по общению с русским ребёнком он целиком и полностью возложил на плечи своего подельника.

«СКОРО», «КУШАТЬ», показала девочка строчки словаря и рукой нарисовала в воздухе большой вопросительный знак.

– Soon, very soon! – Закивал Альберто (Скоро, очень скоро) и повернулся к Брайтону. – Она хочет есть!

Профессор буркнул что-то нечленораздельное. Только воспитание и незнание русского не позволяло ему высказать всё, что он думает о Даше. По натуре он был человеком добрым, но неудачи последних часов несколько поколебали его душевное равновесие. Даже русская девочка стала его раздражать, хотя до этого он старался не обращать на неё особого внимания.

– Ещё бы знать, что это за «сун» такой, – с неудовольствием заметила Даша. – Хорошо, что вы хоть киваете по-русски.

– Нет, это просто невозможно! – Закипятился Брайтон, выглядывая из окна машины. – Не представляю, как такое вообще может быть! Сорок второй дом и рядом – тридцать пятый. Десятый дом и тут же, около него – двадцать первый. Что за идиотская планировка! Куда смотрит городской архитектор?! Я пожалуюсь в мэрию! – Он осёкся и засомневался. – Или что тут у них, в России?

– Вряд ли – мэрия, – лениво отозвался Альберто, он зевнул и потянулся. – Была бы мэрия – тут бы не было такого бардака.

Поездка продолжалась. Упорные англичане потратили ещё час на то, чтобы изездить небольшой посёлок вдоль и поперёк, но так и не смогли разобраться в его географии. Весь населённый пункт состоял из одной улицы – благо, хоть с этим проблем не было, но вот что касается номеров жилых строений – с этим нарисовывались определённые проблемы. Дом под

номером один удалось отыскать без особенного труда; некоторую настороженность у Брайтона вызвало то, что сразу через дорогу стоял тридцать четвёртый дом, рядом с которым скромно притулился двадцатый.

– Странно! – Тихонько удивился профессор. Он проехал ещё метров двадцать, на низеньком здании увидел табличку «15-А» и погрузился в мучительные думы.

Машина, словно натолкнувшись на какое-то препятствие, резко остановилась.

– Это очень странный город, – меланхолично подытожил Брайтон, приспуская стекло и выглядывая из окна. – Мы уже пол-дня здесь колесим, и я до сих пор не могу разобраться, куда и какая улица идёт. А ещё вызывает недоумение принцип наименования домов. Вот согласись, как такое может быть – за шестым домом следует пятнадцатый, а потом – сразу – первый?

– Первый – это уже к другой улице относится, – робко предположил Файшер.

– К какой ещё «другой»? – Тут же вскипел профессор. – Здесь весь город – одна улица!

Даша, полулежащая на заднем сиденье, подняла голову:

– Я уже смирилась, что вы говорите по-американски, – сказала она, – но ругаться по-американски – это уже слишком! Ругаться нужно по-русски. Только перед этим майку одеть, в одну руку взять бутылку водки, а в другую – солёный огурец. И орать надо пострашнее. Эх вы, всему вас надо учить...

– I don't understand! – Привычно отозвался Брайтон. (Я вас не понимаю! англ.)

– Yes, – подтвердил Файшер.

– Как вы только языки себе не поломаете! – Изумилась девочка и попыталась повторить. – Ай доунт эндэ... Тьфу!

Файшер скривил губы в улыбке. Его забавляли попытки русского ребёнка повторять английские фразы.

– Есть! – Напомнила Даша. – Кушать! Ням-ням!

Вряд ли «ням-ням» являлось интернациональным выражением, но Брайтон почему-то всё понял правильно.

– Скажи ей, что сначала мы найдём библиотеку, потом будем обедать, – поставил условие профессор.

Файшер послушно принялся листать страницы словаря, показывая девочке слова. Не прошло и десяти минут, она, наконец, сообразила, в чём проблема.

– Так бы и сказали, что вы ищите библиотеку, а не туалет! – Обиженно заявила Даша. – Меня нельзя было попросить вам помочь? Если только в этом медвежьем углу есть библиотека...

Не договорив, она открыла дверцу машины, и Брайтону пришлось притормозить.

– Короче, сидите тихо, как селёдки в сметане, и не высовывайтесь! – Сурово приказала девочка. – Сейчас я вам всё устрою, а то у меня уже от голода живот к спине прирос.

– You where will go? – Заволновался Файшер. (Ты куда пошла?)

Девочка даже не обернулась.

– Там у подъезда какие-то старушки-веселушки сидят, – объяснила она, внимательно разглядывая собравшуюся компанию, – такие всегда всё знают. Я с ними пообщаюсь, вы только никуда не уезжайте. Ещё не хватало, чтобы вы меня тут бросили. Ради вас же стараюсь...

Независимо засунув руки в карманы куртки, Даша пошла по узенькой асфальтной дорожке. Время от времени она оглядывалась; видимо, всё-таки опасалась, что англоязычные приятели могут её банально бросить.

– Здравствуйте! – Подойдя, вежливо поздоровалась она.

При появлении девочки престарелые дамы замолчали и с интересом воззрились на неё.

– Ты чья же такая будешь? – Поинтересовалась старушка, сидевшая в центре компании. В руках у неё мелькали вязальные спицы. Судя по всему, она была вожаком этой тёплой компании.

– А ещё говорят, что дети невежливые пошли! – Притворно огорчилась Даша. – Бабушки тоже иногда попадают не фонтан. Я с вами, между, прочим, поздоровалась, а вы мне так и не ответили. Или вас в вашем детстве хорошим манерам не учили?

Старушки враз поджали губы.

– А ну, вали отсюда! – Басом сказала правая.

– Да-да, иди! – Подтвердила левая. – Вишь, развелось умников!

Девочка разозлилась:

– Даже в сказках любая Баба Яга сначала кормит-поит, а потом с расспросами пристаёт. А вы ведёте себя даже хуже, чем она!

Даша резко развернулась и пошла обратно к машине.

– Наглая молодёжь пошла! – Сказала средняя, глядя вслед Даше. Она даже перестала вязать.

– И невоспитанная! – подтвердила правая.

Товарки с ней молча согласились.

– Наша-то девочка – она повежливее будет.

– Только говорит она как-то странно.

– Не русская, наверное. Из Прибалтики или откуда-нибудь оттуда приехала. В новостях передавали, что там теперь неспокойно. Интересно, у кого там родственники? У Таньки, что ли?

– И Лариски с младшей что-то давно не видно.

– Младшую на лето в деревню увезли, И Лариску тоже, наверное, куда-нибудь отправили...

Они мирно продолжили разговор, забыв про рыжую нахалку.

Даша вернулась к машине ничуть не огорчённая неудачей, напротив, в глазах её плясали чертенята.

– Люди тут тёмные, – сказала она, – они даже не знают, что значит «библиотека». В здешних букварях такого слова нет. Поехали дальше!

Компаньоны переглянулись с таким недоумением, что Даше ничего не оставалось, как выразительно покачать головой:

– Говорю же вам: Н-Е-Е-Т. Когда вы только по-человечески говорить научитесь?

Брайтон кротко вздохнул – что ему ещё оставалось делать. Он дождался, пока девочка не устроится на своём привычном месте, и тронул машину с места.

– У нас топлива осталось не очень много, – через минуту заметил он. – Альберто, ты видел где-нибудь поблизости заправку?

Тот молча мотнул головой.

– И что нам делать? – Этот вопрос был риторическим, но антиквар ответил:

– Наверное, нам придётся оставить машину в каком-нибудь укромном месте и дальше ходить пешком.

– Здесь нет стоянок, – раздражённо ответил археолог. – Ни платных, ни обычных – вообще никаких. Если мы машину где-нибудь оставим, её могут угнать.

– Хорошо, если бы вместе с этим ребёнком, – Файшер кивнул на мрачно глядящую в окно девочку. – Тогда мы останемся в плюсе. Не понимаю, почему дети всегда хотят есть? Мы на одни только чипсы израсходовали...

– Если машину угонят вместе с ней, – не понял шутки археолог, – мы будем в большом минусе. Стоимость

– Стойте!! – Вдруг завопила Даша, хватая спутников за плечи.

Брайтон от неожиданности чуть не въехал в столб.

По улице шли две девочки лет двенадцати – светловолосая и русоволосая. Первая тащила в руках солидную стопку книг.

– Даже сумасшедшие с такими книгами просто так по городу не ходят! – Возрадовалась Даша. – Зуб даю – они в вашу библиотеку топают! Айда за ними!

Брайтон проследил направление её взгляда, и лицо профессора озарилось пониманием.

– А ведь это идея! – Сказал он. – Могу поспорить на что угодно, что они идут именно в библиотеку!

Процессия из двух девчонок и белого «форда» медленно двинулась по городской улице.

Объекты наблюдения вели себя на редкость беспечно: весело болтали, смеялись и никто из них ни разу не оглянулся. Именно поэтому до конечного пункта добрались быстро и без приключений. Да и сама библиотека оказалась совсем рядом.

Девчонки нырнули в подъезд одного из домов. Даша выскочила из машины, добежала до двери подъезда, прочла табличку на стене и быстро вернулась обратно:

– Всё, свой обед на сегодня я заработала. Что бы вы без меня делали!

Глава 12

Выйдя из своего подъезда, Данила с Алисой прошмыгнули мимо старушек, которые на своих лавках, словно стервятники на вершине горы, высматривали объекты для сплетен, и, торопясь, пошли прочь.

Уже отойдя на приличное расстояние от дома, Данька вдруг остановился:

– Слушай, Алис, а какие у тебя документы?

– У меня есть сертификат о рождении, – принялась перечислять девочка, помахивая плотно набитым конвертиком, который держала в руке – карточка с номером социального страхования, паспорт, виза на двух языках. Этого хватит?

– А что – паспорт настоящий?

– Игрушечный, – хихикнула Алиса, – я же ребёнок.

– Шутишь? – Хмыкнул Данька.

– Шучу. У меня самый настоящий паспорт гражданки Соединённых Штатов.

– А не рано тебе его дали? – Недоверчиво уточнил мальчик.

– Нам паспорт выдают с самого рождения. Даже когда мне был годик, у меня уже был паспорт.

– А сколько тебе сейчас лет?

– Скоро будет тринадцать. 18 июля. А вам здесь паспорт когда дают?

– В семнадцать лет. Или в восемнадцать – точно не помню. Точнее, не знаю.

Алиса вздохнула:

– Это поздно. В семнадцать нам уже третий раз его меняют.

Мальчик долго мялся, поглядывая на аккуратный полупрозрачный конвертик в руке Алисы, наконец решился:

– А можно я твой паспорт посмотрю?

– Конечно, можно. – Она вытащила из конверта несколько бумаг, нашла нужное и протянула любознательному спутнику.

Данька с благоговением взял в руки синенькую книжечку:

– Ого, прямо как у взрослой, – позавидовал он. – Даже орёл на обложке, как в нашем паспорте.

Впрочем, обложка ничем особенным не отличалась, зато открыв и перелистав паспорт, Данька приоткрыл рот от изумления: в руках у него оказалась самая настоящая книжка с рисунками; на каждой странице был особый рисунок, отличный от других.

– Здесь вся наша история, – объяснила Алиса. – Вот, видишь, – показала она на первую страницу, – тут есть пейзаж «дикого запада», – она перелистнула страничку, – здесь: первые переселенцы, – она принялась медленно листать и перечисляла, – тут ковбой, тут – корабли, тут – гора Рашмор в Южной Дакоте, космические спутники...

Глядя на то, как горят её глаза, Данька спросил:

– Ты, наверное, любишь Америку?

– Конечно, – улыбнулась Алиса. – Это же есть моя родина. Как её можно не любить?

– Не нужно так часто говорить слово «есть», – попросил мальчик.

– Извини. У нас в языке существовать глагольная связка, которая в некоторых случаях играет роль глагола. Мне трудно привыкнуть, что в русском языке глагол часто пропускается или вообще не присутствует...

– «Не присутствует», – поправил Данька, потом вздохнул и огорчённо сказал:

– Мне кажется, Алис, все эти твои документы... ну, в общем, они не совсем подойдут, чтобы тебя могли записать в библиотеку.

– Почему?

– Когда я сюда записывался, у меня взяли свидетельство о рождении, а потом попросили прийти папу с паспортом.

– Свидетельство у меня имеется в наличии, – напомнила маленькая американка, – но только на английском. И папа тоже есть. Только не настоящий, а... – так и не найдя нужного слова, она замолчала.

– В том-то и дело. И свидетельство у тебя американское, и папа у тебя не настоящий...

– А что делать? – Непритворно огорчилась Алиса. – Тут и так скучно, а если и читать будет нечего...

Данила, напротив, засиял словно рождественская ёлка:

– Самое главное, не волнуйся. Я всё разрулю.

– Разрулишь? – Девочка нахмурилась, перебирая в голове возможные переводы незнакомого слова. – Это как?

– Разберусь со всеми твоими проблемами.

– Каким образом?

– Лучше говорить: «Как?» – таким образом будет и быстрее, и правильнее... Тьфу ты! – Он даже плюнул, поняв, что манера речи молодой американки оказалась заразной.

– Я поняла сущность твоих претензий и в настоящий момент пребываю в уверенности, что они обоснованы. Ну, так как ты будешь решать мои проблемы?

Данька несколько секунд помолчал, пытаясь понять смысл сказанной фразы.

– Мы возьмём книги на моё имя.

– Каким..., – маленькая американка осеклась, она училась быстро, – я хотела сказать: как это?

– Ты их возьмёшь, а их запишут так, словно их взял я.

– Спасибо, – улыбнулась Алиса.

– За что?

– За доверчивость.

– Может «за доверие»?

– Может быть. Эти слова очень похожи. Ты уверен, что я тебя не обману?

Мальчик нахмурился:

– Как – обманешь?

– Возьму книги – и убегу куда-нибудь.

– Ничего страшного, – засмеялся Данила. – Я тебя догоню и отниму.

– А если не сможешь догнать?

– Тогда мне придётся платить, – вздохнул мальчик. – В библиотеке такие правила.

– И много?

– За каждую книгу в десятикратном размере.

– Много, – подумав, вздохнула Алиса. – Ты только не бойся, это я шучу так. Я не бегать никуда бегать. Быть, – подумав, исправилась она, – бечь... Точнее, быть не бечь... Не быть бечь... бежать... – Она беспомощно взглянула на собеседника и призналась. – Я совсем запуталась!

Данила подозрительно нахмурился:

– Ты точно в своей школе лучше всех русский язык знала?

– А что? Я что-то совсем не так говорить?

– Не то чтобы совсем, но лагаешь ты здорово.

– Здорово» – это хорошо, да?

– «Сильно», а не хорошо.

– Ага, понятно. А что такое «лагаешь»?

– «Ошибаешься». Но не сильно, а так... не критично.

Они помолчали несколько секунд.

– Так я о чём хочу сказать, – вспомнила Алиса, – я не буду тебя обманывать, поэтому, если ты хочешь записать необходимые мне книги на моё имя...

– Да понимаю я, что ты не будешь меня обманывать! – Отмахнулся мальчик. – Ты очень хорошая, это сразу видно.

Сам не ожидая от себя таких слов, он смутился и заторопился:

– Ладно, пойдём быстрее! А то библиотека закроется – придётся нам до утра куковать.

– Куковать? – Удивилась Алиса. – Как птицы на деревьях? Зачем?

Данила ничего не ответил и решил, что впредь будет тщательно формулировать свои мысли, чтобы его нельзя было понять двусмысленно или не понять вообще.

– Я поняла, почему ты это сказал! – Радостно объявила Алиса. – Ночная кукушка дневную перекуёт! Да?

– При чём тут это? – Не понял Данька.

– У вас же имеется такая поговорка?

– Имеется. Только не «перекуёт» а «перекукует».

– Вот, – с глубоким удовлетворением в голосе сказала Алиса. – Нам учительница всегда говорила, что русский народ – очень самобытный и употребляет в своей речи множество поговорок и поговорок. Поэтому я их дома специально и учила. В итоге я смогла разгадать, что ты иметь в виду.

– Теперь уже я сам не понять, что я иметь... тьфу ты!.. имею в виду.

– То, что мы тут как кукушки будем до утра сидеть и... – девочка на мгновение запнулась и с некоторым сомнением закончила, – куковать. До утра – это, значит, долго. Да? Ты это имел в виду?

– Да, – сказал Данила, а про себя решил, что не просто будет тщательно формулировать свои мысли, а скрупулёзно обдумывать каждое слово, чтобы не путать свою новую подругу.

– Иначе я новый учебный год начну в психушке! – Пробурчал он себе под нос.

– Я не расслышала, – тут же отозвалась спутница. – Что именно ты сказал?

– Да, так. Это я сам с собой. Не обращай внимания.

– Сам с собой? – Тут же заинтересовалась маленькая американка. – Это каким образом... то есть – как? И зачем?

Ребята очень вовремя добрались до библиотеки: Данила уже начал потихоньку свирепеть.

Мальчик потянул на себя дверь подъезда и пропустил новую подругу вперёд.

– Мы уже пришли, – сказал он.

Наверное, Алиса ожидала от городской библиотеки чего-то большего, слишком уж странным стало у неё лицо, когда она увидела, что библиотека располагается в обычной двухкомнатной квартире. В большой комнате, в меру уютной, в меру официальной, ровными рядами стояли полки с книгами. Спереди, в торце, располагался стол библиотекаря, заваленный книгами и формулярами. За столом сидела симпатичная черноволосая женщина. На Данилу она взглянула мельком, на его спутнице задержала внимание.

– Здравствуйте, Ирина! – Вежливо поздоровался мальчик. – Можно я книжки для неё возьму на своё имя? – Он кивнул на Алису.

– Да, конечно, выбирайте, – рассеянно кивнула библиотекарь и опустила глаза в тетрадку перед собой, потом снова посмотрела на посетителей. – А почему бы ей самой не взять?

– У неё нет документов, она не из нашего города.

– Тогда всё понятно.

Библиотекарь занялась своими делами.

Мальчик выложил на её стол книги, которые он принёс с собой, и увлёк спутницу за собой.

– На этой полке фантастика. Наша, русская, – сконкретизировал он. – Вряд ли ты такое сможешь прочитать у себя дома.

– Это полностью верно – ответила Алиса, внимательно разглядывая невзрачные корешки книг. – А ты можешь мне что-нибудь порекомендовать?

– Мне Стругацкие нравятся. «Понедельник начинается в субботу». Читала?

Девочка отрицательно качнула головой.

– Так я и думал, – он протянул ей одну из книг и тут же спрятал обратно. – Только вряд ли тебе в ней всё будет понятно, слишком уж много здесь наших реалий.

– Мне именно это и хочется.

– Не-е, – мотнул головой мальчик. – Ты вряд ли поймёшь. Там юмор очень уж... как это сказать... специфический. Я тебе что-нибудь ещё сейчас постараюсь найти.

Он снова принялся задумчиво бродить вдоль полок.

– Во! – Наконец удовлетворённо сказал он, вытаскивая наружу одну из книг. – Вячеслав Пальман. «Песни чёрных дроздов». У меня это самый любимый роман.

– Эта книга про природу? – Уточнила Алиса.

– Ага. Тебе понравится.

– Давай.

Девочка взяла протянутый ей увесистый том.

– А хочешь я тебе ещё что-нибудь найду?

– Я считать, что мне пока одной книги будет достаточно, – умерила его пыл Алиса. – Всё-таки русский – не мой родной язык, а здесь текста есть довольно много.

Хлопнула дверь, и в библиотеку вошли очередные посетители. Услышав звуки родного языка, девочка даже приоткрыла рот от изумления, а потом совершенно интернациональным жестом приложила палец к губам:

– Веди себя тише! – Шепнула она.

– «Тихо».

– Что?

– Надо говорить «тихо», – прошептал Данька. – Так короче. И правильной.

– Ты отыскивать не совсем подходящее время обучать меня русскому языку.

Данила пробурчал:

– Вся эта фраза умещается в одно слово из трёх букв: «Цыц!»

Глава 13

Брайтон открыл дверь и решительно, насколько это позволял ему безукоризненный английский темперамент, вошёл в библиотеку. Посетитель лучился добродушием и дружелюбием.

– Добрый день, мисс! – Торжественно проговорил профессор. – Я очень рад вас видеть! Мне хотелось бы... – Он осёкся и с подозрением осведомился. – Вы понимаете по-английски?

Библиотекарша за стойкой, вздрогнула и подняла голову.

– Вы понимаете по-английски? – Повторил Брайтон.

Он задал вопрос несколько раз, получил от библиотекарши отрицательный ответ, и его улыбка несколько потускнела.

– Может быть, вы хоть немножечко понимаете на нашем языке? – С надеждой в голосе уточнил он.

Файшер оглядел лицо женщины и горестно вздохнул.

– Ничего она не понимает! – Сказал он.

– И я такого же мнения, – поддержал его профессор. – Ну, что, придётся общаться с ней как всегда: по словарю через нашего ребёнка?

– «Нашего?» – Возмутился Альберто. – Быстро же она стала «нашей»!

– Не придирайся к словам.

– Я не придираюсь. А девочку к этому привлекать не стоит. Она и так знает больше того, что должна. А если мы ещё добровольно начнём выдавать ей информацию...

– У нас больше нет вариантов.

– Варианты всегда есть, надо только подумать.

– Давай подумаем.

Кладоискатели погрузились в размышления.

Пока в библиотеке царило напряжённое молчание, Алиса выглянула из-за шкафа и тут же спряталась обратно.

– Ты понимаешь, о чём они говорят? – Шёпотом спросил Данька.

– Понимаю, – так же шёпотом ответила маленькая американка. – Не надо мне мешать, я хочу послушать.

Женщина за библиотечной стойкой так выразительно подняла брови, что Файшер счёл своим долгом пояснить:

– Мэм, у нас есть небольшая проблема, и мы очень надеемся на то, что Вы дадите нам время её разрешить.

Алиса сдавленно фыркнула.

– Ты чего?

– Если это возможно в данном конкретном случае, постарайся вести себя максимально тише.

Данька несмело хихикнул. Теперь манера, которой Алиса выражала свои мысли, начала его забавить.

– Мне кажется, эта женщина за стойкой не совсем понимает по-английски, – высказал свои выкладки профессор. – Точнее – совсем не понимает. И не собирается понимать. Теперь у нас серьёзные проблемы.

– Насколько серьёзные? – Файшер сказал это только для того, чтобы что-то сказать, но Брайтон, хоть и понял это, ответил:

– Куда уж серьёзнее. У нас слишком сложный вопрос, чтобы её можно было решить без дипломированного переводчика.

– Не хотелось бы впутывать в наше дело кого-то ещё.

– Лишние расходы, – мрачно сказал профессор. – И третий человек, которому придётся всё рассказать.

– Мне это не нравится, – сообщил Файшер.

– Мне тоже.

Библиотекарша следила за переговорами со всё более возрастающим любопытством на лице, наконец осмелилась поинтересоваться:

– Вы что-нибудь будете брать?

Компаньоны переглянулись.

– Я думаю, она спрашивает, что нам нужно, – кисло заметил Брайтон. – Можешь что-нибудь ответить?

– Словарик в машине.

– Так сбегай, принеси! – Дела складывались не совсем позитивно, поэтому обычно сдержанный профессор дал волю раздражению.

Решившись, Алиса вышла из-за шкафа.

– Добрый день! – Вежливо поздоровалась она. – У меня, конечно, нет диплома, но, если вам нужно, я могу быть вашим переводчиком. Русский мне немного знаком.

Она сказала это на чистом английском языке.

Британцы ошарашенно воззрились на неё. Если бы перед ними появился ангел с крыльями и с арфой в руках, вряд ли это произвело бы на них большее впечатление.

Первым опомнился Брайтон.

– Прелестный ребёнок! – Вскричал он. – Ты кто? Готов поклясться, английский – твой родной язык!

– Я из Америки, – ответила Алиса, – и приехала в Россию на летние каникулы. Если вам это необходимо, я готова исполнять функции переводчика.

– Да, нам это необходимо! – Сказали Брайтон и Файшер. Хор получился таким слаженным, будто они не один день тренировались.

– Алиса, всё в порядке? – Выглянул из-за шкафа теперь уже Данька.

– Да, не стоит беспокоиться.

– Это тоже переводчик? – Удивился профессор.

– Нет, – засмеялась Алиса, – это мой русский друг. Он ни слова не понимает по-английски.

– Это радует, – вполголоса сказал Файшер и спрятался за спину компаньона.

– Для начала давайте познакомимся! – Брайтон запыхал энтузиазмом. – Как тебя зовут, дитя?

– Элис Слайкен.

– Слайкен, – задумчиво повторил Брайтон, словно пробуя фамилию на вкус. – Неплохо.

– Что вы имеете в виду? – Изумилась девочка.

– Не обращай внимания, – отмахнулся тот. – Это я так, о своём... Меня зовут Джим Брайтон, – в свою очередь представился он. – моего друга – Альберто Файшер. Я – профессор археологии Лондонского университета, а Альберто – специалист по антиквариату.

– Приятно познакомиться, – по всем правилам хорошего тона завершила процедуру знакомства маленькая американка. Она нарисовала на лице дежурную улыбку и стала ожидать продолжения.

– А теперь, дорогая моя, помоги нам наладить контакт с этой очаровательной женщиной, – Брайтон кивнул на библиотекаршу. – Кстати, можешь уже переводить.

– Не хотите расточать комплименты впустую? – Хихикнула Алиса. – Тоже правильно. Только сначала скажите МНЕ, что именно вам нужно, чтобы я знала, о чём говорить.

Британские подданные с одинаково ошарашенными лицами повернулись друг к другу.

Профессор снова взял инициативу в свои руки.

– Мы, – выдавил он из себя, – мы... ищем... ищем... – могилу!

– Чью? – Задала очевидный вопрос Алиса.

Указательный палец археолога покрутился в воздухе и ткнулся в переносицу компаньона:

– Его!

Файшер изумился настолько, что не нашёлся, что можно сказать и только открыл и закрыл рот.

– Он ещё жив, – кротко сообщила девочка.

– Могила не совсем его, – заторопился профессор. – Могила – его отца.

– Я всё ещё не совсем понимаю, – Алиса перевела глаза на антиквара, но тот, судя по его ошарашенному виду, понимал ещё меньше.

– Дело в том, что во время второй мировой войны его отец умер, – объяснил Брайтон. – Его убили немцы. Здесь, на территории Брянской области. Где-то около этого города. И мы хотим найти его могилу.

Алиса слушала профессора, время от времени кивала, но продолжала наблюдать за выражением лица Файшера, который слушал своего компаньона с таким напряжённым вниманием, словно и сам не подозревал, что они делают в этой библиотеке, и ему только-только открывали на это глаза.

Маленькая американка была вынуждена подытожить, что Брайтон безбожно врёт.

– У нас есть единственный ориентир – орёл, – продолжал разглагольствовать профессор. – И именно этого орла нам нужно отыскать.

– Что за орёл? – В голосе доморощенной переводчицы прозвучало неприкрытое любопытство.

– Неизвестно, – развёл руками Брайтон. – Может это какой-нибудь памятник. Или здание с фигурой орла на фасаде. Или что-нибудь такое, что лежит, сидит, стоит или просто валяется. В общем, орёл может быть где угодно.

Нахмурившись, Алиса на минуту задумалась, потом качнула головой:

– Мне почему-то кажется, что вы меня обманываете.

– Обманываем?! – Оскорбился профессор. – Никогда!

– Никогда! – Хрипло подтвердил Файшер.

Девочка даже поёжилась, ощутив на себе две пары умоляющих глаз, потом уставилась на носки своих туфель.

Алиса прекрасно понимала, что ей лгут, и самым правильным сейчас было бы уйти с Данькой из библиотеки и забыть произошедшее здесь как страшный сон – пусть эти англичане-историки сами разбираются со своими могилами. Однако обычное девчончье любопытство пересиливало логику. Да и не привыкла Алиса, как любой благовоспитанный ребёнок, чтобы взрослые смотрели на неё такими вот собачьими глазами.

– Ладно, – вздохнула она, глядя куда-то в сторону, – я согласна!

На то, что Брайтон впоследствии назвал «налаживанием контакта с этой мэм» ушло четверть часа. Алиса объяснила библиотекарше, чего именно добиваются англичане, потом ей пришлось втолковывать уже подданным британской королевы, что без документов на русском языке они не смогут взять тут ни одну книгу, причём за любую, даже самую высокую плату.

– Не может такого быть! – Решительно возразил Файшер, который считал, что деньги могут решить любые проблемы, потом, подумав, добавил. – И, мне кажется, это – дискриминация по расовому признаку.

– Я бы на твоём месте не стал развивать эту тему, – вполголоса посоветовал профессор. – Россия ещё не столь демократизирована, чтобы здешние власти обращали внимание на подобные нарушения.

Диалог детей в это время был более конструктивен.

– Данила, ты можешь помочь этим господам? – Спросила Алиса у своего нового приятеля и поспешно, пока тот не успел согласиться, предупредила. – Только я не могу за них поручиться.

– Почему? – Удивился Данька, которому англичане скорее нравились, чем нет.

– Во-первых, я я ними познакомилась несколько минут назад и ещё не успела их как следует узнать. А во-вторых, за это время они уже успели меня обмануть.

– Как – обмануть? – Испуганно прошептал мальчик.

– Потом расскажу, – так же шёпотом ответила Алиса.

– Всё равно сегодня мы уже ничего не успеем, – поморщился Данила. – Библиотека скоро закрывается, а за ночь мы можем что-нибудь придумать. Как тебе такая идея, Алис?

Маленькая американка пожала плечами:

– Если я правильно воспринимаю ситуацию, нам больше ничего не остаётся.

– Придётся заняться нашими делами завтра с утра, – поскучнел Брайтон, услышав перевод. – Здесь читальный зал есть?

Алиса задала этот же вопрос библиотекарше и получила утвердительный ответ.

– В него-то нас пустят? – Спросил Файшер.

Женщина, чуть поколебавшись, кивнула. Наверное, она прикидывала, что тут может быть опасного, если в читальном зале посидят два посторонних человека. Само собой, их нужно будет как-то зарегистрировать, но это уже частности.

– Мэм, в которое время завтрашним днём будет открываться библиотека? – Уточнила Алиса.

– В десять, – ответила женщина, удивлённая подобным обращением – «мэм» её назвали первый раз в жизни. Да и акцент Алисы был слишком явным, чтобы на него сразу же нельзя было не обратить внимания.

– Она не из России, – сказал Данька в ответ на недоумевающий взгляд библиотекаря. То, что Алиса – американка, он решил сказать позже; это была тема для отдельного разговора.

– Я из Америки, – сама уточнила девочка, мило улыбнувшись русскоязычной собеседнице. И лицо у неё стало таким лукавым, что Даньке показалось, ещё чуть-чуть – и она покажет язык.

– Из Америки? – Слабым голосом отозвалась женщина и бросила на Данилу взгляд, который можно было обозначить как «ну-у-тебя-и-друзья!»

– А эти господа есть из Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, – добавила девочка, кивком указав на искателей сокровищ.

Маленькая американка отнеслась к ситуации не без юмора, поэтому употребила официальное название страны, которое звучало не в пример солиднее и презентабельнее коротенького названия «Англия».

– Соединённого Королевства? – Ошеломлённо повторила библиотекарь и машинально поправила причёску.

Данька только вздохнул. Он подумал, что ему теперь целого лета не хватит, чтобы объяснить приземлённой в общем-то женщине, каким образом в её крохотной библиотеке оказалось одновременно трое иностранцев.

– Ладно, нам уже пора, – заторопилась Алиса, она подошла к стойке и протянула библиотекарю книгу, которую для неё выбрал приятель. – Будьте добры зарегистрировать данную книгу на имя Данилы.

– Д-да, конечно.

Пока женщина заполняла формуляр, девочка решила поинтересоваться у Брайтона:

– В чём будет заключаться наша завтрашняя работа?

– Сначала поговорим с библиотекарем, чтобы выяснить, где можно отыскать орла. Вполне возможно, она сможет дать нам нужную информацию или хотя бы указать адреса здеш-

них сторожилов. Затем пообщаемся с ними. Если это не принесёт результата, нужно будет найти в этой библиотеке книги по истории данной местности и просмотреть их.

– Это долго, – помрачнела девочка.

– Мы заплатим, – сказал Файшер.

– Это не обязательно, – сухо прервала его Алиса. – Самой лучшей платой было бы, если бы вы объяснили честно, зачем вы сюда приехали.

Компаньоны засмутились.

– Почему тебе кажется, что мы врём? – Попробовал удивиться профессор (Это у него не очень получилось).

– Я не настолько глупенькая, как это вам, вполне возможно, кажется.

– Мы ищем могилу моего отца, – буркнул Файшер.

Алиса пожала плечами:

– Если вам так угодно...

Из подъезда вышли все вместе. Брайтон и Файшер направились к своей машине: белый «форд» был скромно припаркован в тени развесистых придорожных кустов, около детской песочницы. Алиса и Данька остановились около входа в подъезд. Только когда дверь притворилась, стала видна надпись вывеска, что именно здесь находится библиотека.

– Алиса, а теперь-то ты мне можешь объяснить, что произошло? – Спросил мальчик.

– Я только что согласилась быть переводчиком у этих странных людей.

Данька поднял брови:

– Почему – странных?

– Они настойчиво ищут знак орла и сами не понимают, что это за знак и где его можно начать искать.

– Зачем?

– У толстого мужчины, который, если я понять верно, есть еврейской народности, во вторую мировую войну здесь погибать отец. И, чтобы отыскать его захоронение...

– Могилу! – Не выдержал Данька.

– ...точно – могилу. Так вот, чтобы отыскать эту могилу, нужно найти орла.

– И как это связано? – Мальчик поднял ладонь, закрываясь от солнца, и взгляделся в отъезжающую машину англичан.

– Пока ещё не знаю, – огорчённо ответила Алиса. – Надеюсь завтра смогу досконально во всём разобраться. И ещё, мне кажется, что они врут. По поводу орла – я не пребываю в твёрдой убеждённости, но вот что касается всего остального, – девочка фыркнула, – они даже не удосужиться договориться, что нужно говорить. Мистер Брайтон говорит, что они ищут могилу отца мистера Файшера, а тот имеет такие глаза, словно сам только что узнать про эту могилу. Данила, ты меня слышать?

Она уже сделала несколько шагов, а мальчик продолжал неподвижно стоять на крыльце. С ладонью у лба он напомнил Алисе, неплохо знающей русскую культуру, Илью Муромца с картины Васнецова «Три богатыря».

– Данила!

Он медленно опустил руку, и когда Алиса увидела лицо своего приятеля, то чуть не уронила свою книгу: оно было белее мела.

– That happened, Danila? (Что случилось, Данила?) Что с тобой произошло?

Мальчик перевёл на подругу совершенно ошалевшие глаза.

– Ты видела? – Залепетал он. – Там, в машине!

Алиса качнула головой:

– Не полностью понимаю, что ты говорить.

– Там девочка... такая... рыженькая... с веснушками... Ты не знаешь, кто она такая?

Алиса несколько секунд помолчала.

– Скорее всего, мистер Брайтон или мистер Файшер привезли с собой племянницу или внучку, – предположила она и поспешила уточнить. – Мне об этом ничего не известно – это только мои предположения.

– И ты не знаешь, как её зовут? – Совершенно убитым голосом спросил мальчик.

– Не знаю.

– А как узнать?

– Завтра спросим. И я тебе в этом помогу. И сам не убегай, и товарища выручай. Так у вас говорят?

– КАК – сможешь?

– Данила, ты почему-то резко поглупел, – вздохнула Алиса. – Я испытывать сомнения, что ты сможешь поговорить с ней без помощи меня.

– Почему? – Продолжил недоумевать Данька.

– Да потому что эти мужчины не говорить по-русски! – Взорвалась Алиса. – Они вообще ни слова на русском языке не знают! И вряд ли их внучка далеко от них ускакивать!

– Так она англичанка?! – Наконец дошло до Даньки.

– Судя по всему – да.

– А я в школе учу немецкий, будь он неладен!

– И что это значит?

– Теперь мне придётся английский учить, – решительно сказал мальчик и даже зачем-то сжал кулаки. – Как ты думать... тьфу ты!.. – «думаешь!» – я до завтра смогу его выучить?

– За ночь? – Удивилась Алиса. – Это вряд ли.

– А я попробую! У меня словарик есть. И этот... самоучитель. И ещё разговорник. У меня вообще много всяких книжек по английскому.

– В чём-то наш язык есть даже сложнее немецкого, – осторожно предостерегла его девочка.

– Главное – захотеть! – Данькины глаза засверкали неподдельным энтузиазмом, он затопился. – Ладно, Алиска, я пошёл домой. Ты извини, у меня ещё дел много. Ладно?

– Иди уж, – совсем по-русски сказала Алиса.

Даже не попрощавшись, мальчик убежал.

Глядя ему вслед, Алиса рассмеялась. Такого поворота сюжета она не ожидала. Неужели Данила влюбился? Судя по всему, именно так и произошло.

– Забавно, – сама себе сказала маленькая американка и поймала себя на том, что говорит по-русски.

Она пошла по асфальтной дорожке, усмехаясь своим мыслям.

А всё-таки интересно, кого это мистер Брайтон привёз с собой в Россию? То, что девочка – не родственница антиквариата, в этом она была почти уверена. У людей с ярко выраженной семитской внешностью не может быть рыжеволосых внуков. Хотя – кто знает. Всякое бывает. Мир полон чудес.

Угораздило же Данилу!

Улыбаясь, девочка продолжала идти по дорожке к своему дому. Каникулы обещали быть интересными.

Глава 14

Жаркий летний день неохотно начал перетекать в короткий душный вечер.

– Здесь море далеко, поэтому погода другая, – сказал Файшер. – У нас в это время сыро и ветрено.

– Вэйчер, – вычленила Даша из незнакомой речи одно-единственное слово и подозрительно уставилась на антиквара. – Это ты не про меня говоришь, камрад? Смотри только, если узнаю..., – она не договорила: всей её фантазии не хватило на достойную кару.

Вот уже полтора часа компаньоны колесили по уже до боли знакомому посёлку. Брайтон пытался найти гостиницу или хотя бы что-нибудь похожее на неё, впрочем, без особого воодушевления.

– Нет тут никакой гостиницы! – Сказал он, наконец, и без того совершенно очевидную вещь.

– Ничего страшного. В машине переночуем, – ответил антиквар. – Деньги целее будут.

– Про гостиницу нужно было у Алисы спросить, – продолжал переживать профессор. – Она вполне могла бы нам что-нибудь посоветовать.

– Вот уж не надо! Зачем нам лишние расходы?

Профессор промолчал и свернул на дорогу, которая вела к выезду из посёлка.

Для ночёвки выбрали лес на окраине посёлка, рядом с дачным товариществом. С одной стороны дороги тянулись нарезанные низенькими заборчиками шестисотовые огородные участки, с другой – раскинулся по-первобытному густой лес.

Уже начало темнеть, когда автомобиль, попетляв между соснами, остановился под сенью большого хвойного дерева.

– Вот здесь и устроим лагерь! – Сказал Брайтон.

Ужин был более чем скудным: подкреплялись тем, что во время поисков библиотеки удалось купить на импровизированном рынке на городской площади.

После окончания трапезы компаньоны выбрались из машины. Профессор что-то спросил, Файшер ответил, оба они с одинаково настороженными лицами покосились на оставшуюся в машине девочку и, тихо беседуя, заторопились прочь.

Даша посмотрела им вслед, мрачно облизала пластмассовую ложку, выкинула в окно машины пустую банку из-под тушёнки и вздохнула.

– Мне кажется, в моей жизни пора что-то менять, – прошептала она сама себе.

Тушёнка, которой приходилось питаться уже не первый день, донельзя ей надоела, тем более мясо приходилось есть в «сыром» виде; не было возможности его хотя бы разогреть.

Девочка приоткрыла дверцу машины и выскользнула наружу.

Над головой вольно раскинулись пушистые хвойные ветви. Мягкий вечерний свет делал стволы сосен бронзовыми, тёплыми и золотистыми, от них клубился приторный аромат смолы и хвои.

Из чащи леса, словно заведённая, куковала кукушка.

Чуть поодаль в солнечной дымке зыбко парил совсем уж идиллический пейзаж: маленькие, словно игрушечные, дачные домики, окружённые миниатюрными заборчиками и зелёными изгородями. Ветер весело гонял по небу облака, плотные и пушистые, словно из ваты.

Было так красиво, что даже мусорить было неохота. Даша решила навести порядок: она подняла выброшенную недавно пустую банку из-под тушёнки и зашвырнула её ещё дальше, в кусты. На этом она сочла свои обязанности по улучшению местной экологии исполненными.

Пару раз девочка оглянулась на беседующих в стороне Брайтона и Файшера, даже помახала им рукой, но те, занятые своими проблемами, ничего не заметили.

Даша с силой пнула подвернувшуюся под ногу шишку и забралась обратно в машину. Она поняла, что всё больше и больше начинает мешать своим странным спутникам – те вообще уже перестали бывать в своей машине; при первой же возможности, они выбирались наружу и о чём-то ожесточённо спорили, часто оглядываясь в сторону девочки.

Чего Даша уж совсем не боялась, так это того, что иностранцы сдадут её в ближайшее же отделение милиции: она была абсолютно уверена, что те занимаются чем-то противозаконным. Рыльца у них были в пушку – в этом не было никаких сомнений, и не просто в пушку: они выбегали из курятника и в каждой лапе у них было по петуху. При таком раскладе милиция – это было последнее место, куда эти джентльмены удачи могли бы направиться добровольно.

Даша выглянула из окна, посмотрела на парочку и лишний раз убедилась в обоснованности своих подозрений: у Файшера в это время был как раз на редкость вороватый вид.

«Интересно, о чём это они таком говорят? – В который раз задумалась девочка. – Вот бы их язык выучить!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.